

Трилогия
в одном
томе

КОНСТАНТИН СОЛОВЬЕВ

Геносказка

Москва, 2016

КОНСТАНТИН СОЛОВЬЕВ

Трилогия
в одном
томе

- Гензель и Гретель, или Хозяйка Железного леса •
- Принцесса и семь цвергов •
- Америциевый ключ, или Злоключения Бруттино •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С60

Серия основана в 2005 году
Выпуск 153

Рисунок на переплете и иллюстрации
И. Воронина

Соловьев К. С.

С60 Геносказка: Гензель и Гретель, или Хозяйка Железного леса; Принцесса и семь цвергов; Америциевый ключ, или Злоключения Бруттино. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 669 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2261-6

Не все сказки можно рассказывать детям. Например, сказку про одно далекое-далекое королевство, в котором однажды потеряли то, что терять ни в коем случае нельзя было — человеческий геном. С тех пор люди там только именуются людьми, а на вид — истые чудовища. У кого жабы лапы, у кого и вовсе щупальца вместо рук... Впрочем, есть в этой сказке и волшебство, только мало кто хочет испытать его на себе. Потому что волшебство творят геноведьмы, создания крайне опасные, злобные и давно утерявшие свою человеческую сущность. Именно они превращают принцев в лягушек, обрекают на вечный сон принцесс, вселяют жизнь в деревянных кукол и занимаются прочими вещами, столь же опасными, сколь и жуткими.

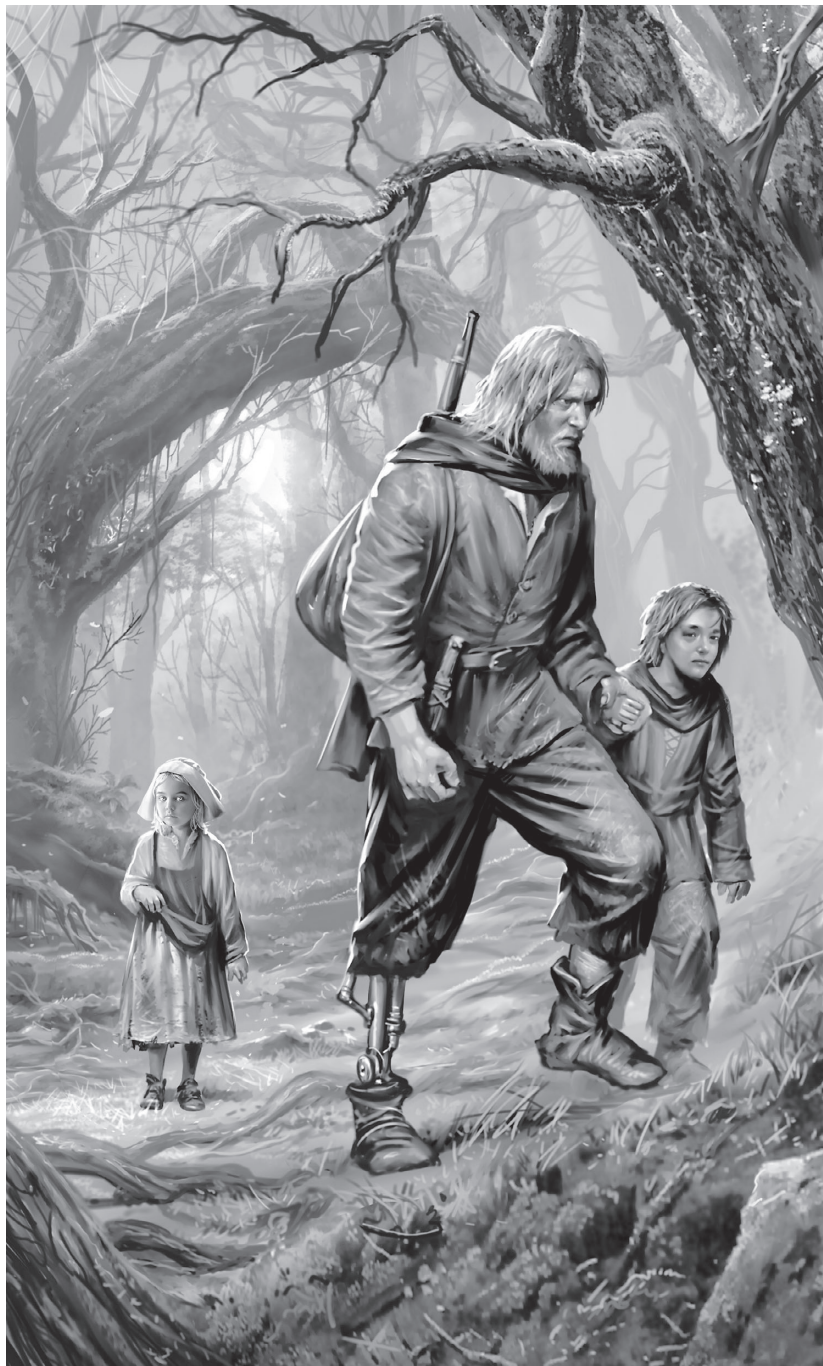
Гензелю и Гретель, главным героям этой недетской сказки, с геномагией приходится сталкиваться на каждом шагу. Их ждут отравленные нейротоксинами яблоки и зачарованные принцессы, живущие на крыше любители варенья и двери за фальшивым камином, русалки, отдавшие голос ради встречи с возлюбленным, и смертельно опасные девочки с голубыми волосами... Брату с сестрой постоянно придется держаться настороже, чтобы выжить, но это неудивительно. В мире генетической магии, как известно, не бывает добрых сказок...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2261-6

© Соловьев К. С., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

- Гензель и Гретель, или
Хозяйка Железного леса •

1

Отцовская нога отвратительно скрипела. Так невыносимо, что Гензелю временами хотелось заткнуть уши, лишь бы не слышать этого ритмичного «скруээ-э-пп-п-п, скруээ-э-пп-п-п» — ни дать ни взять кому-то пилят хребет тупой и ржавой пилой...

Нога у отца была старой, другой Гензель и не помнил. Громоздкая, неуклюжая, из темного шербатого металла, со скрипучими, движущимися внутри поршнями, она была такой же привычной, как старенькая печь в их камерке или разохшийся потолок. Нога была ворчливой и уродливой, но Гензель привык считать ее частью своего привычного мира, как нелюбимого дальнего родственника или уродливый дом по соседству. И теперь эта часть словно в насмешку каркала ему в левое ухо свое бесконечное «скруээ-э-пп-п-п», и в карканье этом Гензелю чудилось ехидство, сдерживаемая радость скорого расставания.

Отец шагал размеренно, тяжело переваливаясь со здоровой ноги на механическую и обратно. Он не оборачивался, не делал лишних движений, даже головы не отрывал от стелющейся перед ним лесной тропинки, и оттого сам казался механическим, заведенным, незнакомым. Но Гензель знал, что отец видит гораздо больше, чем кажется.

На том месте, где тропинка вихляла в сторону, превращаясь в зыбкий пунктир среди жирной болотной жижи, отец резко остановился.

— Где эта девчонка? — спросил он сердито, упершись посохом в бесформенную кочку.

Гензель рефлекторно оглянулся. Какое-то мгновение ему казалось, что позади них с отцом ничего нет, только протоптанная в лесном чреве смрадная колея двух параллельных цепочек следов. «Гретьель!» — хотел было он воскликнуть, совсем забыв о том, что шуметь в Ярнвиде не полагается. Но кричать не потребовалось, зря набирал воздух в легкие. Поодаль, среди колючих ветвей, мелькнул

клочок серой ткани, и почти тотчас он увидел Гретель — та торопливо нагоняла их, на ходу оправляя фартук.

— Рядом, — с облегчением сказал Гензель отцу. — Вот она, идет... Отстала маленько.

Но отец не обрадовался, из-под грязно-седых волос по-волчьи сверкнули глаза.

— Сколько раз вам говорить! — рявкнул он. — Не отставайте, чтоб вас черти по кусочкам растащили! Это Ярнвид, а не ваша пещерница! Гензель, следи за сестрой!

Гензель помнил, что это Ярнвид.

Он и рад был бы забыть, но это было совершенно не в человеческих силах. Ярнвид обступал их со всех сторон, из его гниlostных объятий невозможно было вырваться. Стоило прикрыть глаза — Гензель пару раз малодушно пытался прикрывать, — как делалось еще хуже. Скользкое чавканье жижи под ногами становилось жутким, как дыхание притаившегося водяного, а острые ветки, задевающие плечи, ощущались стальными когтями неизвестных чудовищ из чащи. Приходилось открывать глаза и вновь с отвращением таращиться в гнилое нутро Ярнвида, бездонное, бесконечное и зловонное.

Ярнвид, Железный лес.

Гензель не знал, отчего его кличут Железным. Сколько он себя помнил, все тринадцать лет, Ярнвид был каким угодно, но только не железным. Здесь никогда не видели блеска металла, если не считать топоров дровосеков или охотничьих ружей, да и те встречались лишь в руках круглых дураков — кому взбредет в голову отправляться на промысел сюда, в гиблое место?..

Здесь неоткуда было взяться благородному железу. Здесь было царство гнили, разложения, упадка и смрада, чертоги уродства и искаженных, чудовищных форм. Гензель иногда задумывался о том, кто бы мог создать такое, и неизбежно приходил к выводу, что, кто бы это ни был, этот кто-то столь чужд человеку и столь сильно ненавидит все человеческое, что даже и представлять его не хотелось.

Деревья здесь торчали из болотной жижи, как обломанные кости из трупа давно умершего животного. Они переплетались друг с другом, порождая самые жуткие формы, которые невозможно было описать человеческим языком, да и тот лип к небу при одном лишь виде здешних чащ. Ветви, изломанные, острые, зубрящиеся то ли шипами, то ли листьями, тянулись со всех сторон, чтобы заполнить собой все свободное пространство. В них было что-то невыносимо зловещее и вместе с тем гадостное, напоминающее о мучительных

болезнях, вырождении, скверне, изувеченных генетических цепочках. Но хуже всего то, что эти деревья были не просто декорациями Ярнвида, некогда железного леса, — они являлись его обитателями. И они жили.

Вместо коры их изувеченные стволы обтягивала шкура, где-то серая, где-то пятнистая или бурая. Иногда эта шкура оказывалась покрыта жестким волосом, иногда была по-змеиному маслянистой, и по ней плыли, переливаясь желтым и сизым, отвратительные нечеловеческие узоры. Гензель не мог себя заставить прикоснуться к стволу, даже когда требовалось перескочить глубокую, полную колышущейся жижи яму. Он видел, как тела здешних деревьев медленно пульсировали, гоня в своих паукообразных отростках гнилые соки проклятой земли. Как отверстия от обломанных веток истекали полупрозрачным иxorом, а чудовищные плоды, похожие на человеческие потроха, развешанные по ветвям, едва заметно шевелились, как если бы в них что-то ворочалось. Что-то, чего Гензель не готов был увидеть.

Таков был Ярнвид, царство умирающей плоти и тлена, в котором человек чувствовал себя переваривающейся в гигантском желудке мошкой. Средоточие болезни и медленной смерти. Колыбель чудовищных мутаций, которые, обгоняя друг друга, мчались в слепой гонке окончательного вырождения. Ветви над головой сплетались в подобие колючего купола, сквозь который солнечный свет проходил лишь в виде редких и разрозненных лучей, что мгновенно теряли свою небесную чистоту, стоило им коснуться гнилостной почвы. И запах... Гензель ненавидел этот запах. Так пахнуть может лишь в больничных палатах, наполненных прокаженными, или в развороненных некрополисах. Не запах, а сгущающаяся в воздухе слизь, пропитывающая одежду и кожу под ней, слипающаяся в легких, забивающая горло. Когда отец не видел, Гензель прижимал ко рту рукав, пытаясь дышать сквозь плотную ткань, но облегчения это не приносило.

«Сюда бы огнемёт, — тоскливо подумал он, вспомнив неприветливые, обычно тесные улочки Шлараффенланда и урчащее, издающее едкий бензиновый аромат стальное чудовище в сильных руках городского стражника. — По веткам всем этим, по стволам — фрр-р-р-р-р! Чтобы аж копать...»

Огнемёта у них не было. У отца за спиной висело старенькое, одолженное у соседа ружье с разношенным стволом и потертыми кремнями, да у самого Гензеля за ремнем, беспокойно тычась в поясницу оголовьем, сидел небольшой ножичек. Какой уж тут огнемёт...

Здесь, в извечных владениях Железного леса, не существовало ничего созданного человеческими руками. И отчего-то казалось, что лес давно уже разросся на весь мир, поглотив и переварив все то, что попало ему на пути, — горы, распадки, поля, пашни, а затем и сам Шлараффенланд с его крепостными стенами, церквями и гнилыми трущобами. Все кануло в жадную раззявленную пасть. Все поддалось генетической скверне. Шлараффенланд был не просто далек, он существовал в каком-то отдельном, скрытом от взора мире. Сейчас он казался Гензелю почти уютным. Даже Мачеха, при мысли о которой всякий раз под языком делалось холодно, как от взятой в рот сосульки, теперь казалась не такой уж и страшной...

Гензель охнул от неожиданности и страха, когда возле его лица на стволе дерева что-то зашевелилось. Сперва показалось, дерево ожило, как в дурных детских снах, изогнуло изломанные костиветви, чтобы сграбастать его и утянуть на дно черного болота. Но нет. Это ползло по стволу одно из существ, которые с полным на то правом могли именовать злоещий Ярнвид своим домом. Что-то похожее на сколопендру, только двигающуюся разболтанно и резко, как не двигаются привычные городские сколопендры, выползающие погреться вечером на улицы. Гензель проворно отскочил в сторону и только затем дал себе возможность рассмотреть странную тварь. Это была не сколопендра.

Перед оторопевшим Гензелем, беспорядочно вихляясь из стороны в сторону, проползло скопление глаз, связанных узловатыми жгутами-хлястиками. Может, это и не были глаза, но Гензелю почудилось, что в этих мутных бусинах размером с орех он видит вполне человеческую радужку и даже зрачок. Глаза ползли по ветке и слепо таранились на Гензеля. При них не было ни щупалец, ни лап, однако они умудрялись тащиться вперед, обхватывая пульсирующую кору отростками жгутов, словно крохотными извивающимися ресничками...

— Чего кричишь, дуралей? — сердито спросил отец, оказываясь рядом. — Этот лес крикливых не любит.

— Я... — Гензель сглотнул. — Пустое, показалось.

Отец с брезгливым выражением на лице проследил путь странной твари. Кажется, та не искала человеческого общества, просто тащилась куда-то наугад.

— Испугался?

Гензель мотнул головой, но попробуй солги отцу, чьи глаза пронзают тело вместе со всеми его потрохами и мыслями подобно всепроникающему альфа-излучению. «Скруээ-э-пп-п-п! — насмешливо

сказала механическая отцовская нога, явно издеваясь. — Какой трусливый мальчишка, гляньте только. Скруээ-э-пп-п-п!..»

— Нашел чего бояться, — буркнул отец, явно недовольный. — Дрянь всякая... Тебе только зубами щелкнуть — она и лопнет со страху. Ты, может, и лягушки болотной испугаешься?

«Нет здесь лягушек, — подумал Гензель хмуро. Он не любил, когда отец поминал его зубы. — А если и есть, так та лягушка нас обоих сожрет недорого возьмет. Зубы у здешних лягушек небось побольше моих будут...»

— Не испугаюсь.

— По делу надо бояться, — пояснил отец, поправляя ружье. — Без дела боязнь — дурная... Вот как та тварь, что на прошлой неделе Карла сожрала... Притворилась деревом, а он ее возьми и коснись, на свою беду. А она в него кислотой... Только дым пошел. Думали, хоть обувка от него останется, да куда там. Домой в казане разве что нести, вдове на радость... А ты дури всякой боишься. Гретель! Во имя Бессмертного и святого Человечества, куда сестра твоя опять запропастилась?

— Здесь я, отец! — донесся из-за спины тонкий голос, точно птица какая-то пискнула в сумрачном, наполненном миазмами лесу.

Гретель шла по следам Гензеля, придерживая подол и широко переставляя ноги. Время от времени она отставала, но быстро нагоняла их, и Гензель всякий раз дивился тому, откуда в этом тощем девчачьем теле столько выносливости. Гретель не жаловалась, не стонала, не просила сделать привал. С осунувшегося лица, бледного, как свежеслитое молоко в кринке, внимательно взирали глаза, большие, внимательные и кажущиеся почти прозрачными. «Бес у нее в глазах, — шептались за спиной соседки в Шлараффенланде, но, конечно, просто из дрянной своей зависти. — Экие же глазищи безумные!..»

Они могли завидовать Гретель. Лицо у нее, пусть и ужасно бледное, было с вполне человеческими чертами, а по нынешним временам — даже миловидное. Что же до глаз и их странной прозрачности, Гензель за сестру и подавно не беспокоился — глаза эти были зрячими и, как он не единожды убеждался, удивительно зоркими. Белыми были и волосы Гретель, что легко было заметить по выбившимся из-под платка прядям, время от времени досадливо одергиваемым. Когда-то, когда Гензель был достаточно мал, чтоб пройти под кухонным столом, а Гретель вообще была пищашей крошкой, он спрашивал у отца, отчего у сестры такие дивные, белого цвета, волосы. Отец

ворчал: «В молоке парном искупалась, когда рожали... Иди во двор, делом займись лучше!»

Поймав обеспокоенный взгляд брата, Гретель едва заметно кивнула и поспешно вытащила руку из кармана передника. Судя по тому, как карман оттопыривался, пуст он определенно не был. И Гензель сомневался, что сестра набила его ягодами: здесь, в сердце Железного леса, ягоды напоминали скорее нарывы или бородавки, чем что-то съедобное, и съесть их не решился бы даже самый отважный смельчак из Шлараффенланда.

— Опять вошкаешься, чумная твоя душа? — буркнул отец с досадой. — Не отставай от брата, Гретель! Слышишь? Или хочешь, чтобы тебя цверги уволокли в свою нору? Они тебя живенько по косточкам растащат! Цверги детей непослушных любят, у непослушных мясо сладкое, как мед!

«Скруээ-э-пп-п-п!» — злорадно подтвердила механическая нога, что означало: «Именно так! Мне ли не знать?»

Гретель вздрогнула. Она была смела и рассудительна, как знал Гензель, и подчас возилась с такими вещами, при одной мысли о которых его передергивало. Но все же она была всего лишь десятилетней девочкой, уставшей, со сбитыми ногами и ноющей от постоянного внутреннего напряжения спиной. Девочкой в скользких объятиях умирающего и жуткого леса. Сегодня же на ее долю выпала дополнительная нагрузка, и Гензель мог лишь подбодрить ее взглядом. Он знал, что от девочки с бледным лицом и белыми волосами зависят как минимум две жизни.

Гретель некоторое время шагала наравне с ними, но быстро начала вновь отставать. Заполненные бурой слизью ямы, через которые перешагивали Гензель с отцом, для ее маленьких ног были настоящими колодцами, а переплетения шипастых ветвей — изгородями. Не прошло и минуты, как она вновь оказалась позади них, а обтянутая белоснежной кожей ручонка опять нырнула в карман фартука.

Отец не должен был этого заметить. Чтобы отвлечь его, Гензель нарочито громко спросил:

— Отец, а тут что, и верно есть цверги?

Отец пожевал губами. Лицо его, сухое, невыразительное, изрезанное морщинами, как истощенная пашня лезвиями плуга, не переменяло выражения. Оно его, насколько помнил Гензель, вообще никогда не меняло.

— Это Ярнвид, Железный лес. Самая большая помойка к югу от Лаленбурга, бестолочь. Тут есть вся дрянь, которая только встречается в нашем грешном мире.

В то, что здесь могут встретиться цверги, Гензель не верил. Цверги — кровожадные уродливые коротышки, живущие в земле, своими кривыми зубами они могут обглодать взрослого мужчину за пару минут, но даже они должны окончательно рехнуться, чтобы перебраться в Железный лес, который всей своей сутью и природой был враждебен жизни в любой ее форме, пусть даже такой уродливой и страшной, как цверги.

— Что же они тут едят?

— Кто?

— Цверги.

— Глухых мальчишек едят, — отрезал отец. — И их непослушных сестер.

Гензель подавил ухмылку, чтобы не озлить отца. Он знал, что на всех окружающих его ухмылка обычно производит самое наисквернейшее впечатление, не исключая и близких родичей. Напоминание о грехах деда, судя по всему... Что ж, подумалось ему, если цверги и в самом деле питаются глупыми мальчишками, сегодня им точно придется ложиться спать в своей земляной норе несолоно хлебавши. Сам он был тощим, как иссохшая рыбешка, одни кости. Не то что стае цвергов — даже вурколаку не наестся. Щедрот Мачехи, выдаваемых каждый день под традиционное напутствие, хватало лишь на то, чтобы не хлопнуться в обморок посреди рабочего дня, а если повезет, дотащиться до лежанки.

Отец засопел. Кажется, ему тоже было неловко — за свой неуместный гнев, за раздражительное настроение. И еще за то, что, как он думал, было известно только ему, но никак не плетущимся за ним сквозь сумрачный гнилой лес детям.

— Сегодня добудем что-то, что не стыдно засунуть в горшок и поставить в печь, — сказал он отрывисто через плечо. — Вот увидите. Сегодня нам повезет, печенкой чую. Что-то живое, с горячей кровью, с кучей настоящего, всамделишного мяса, а не какой-нибудь протоплазмы... Должно же нам наконец повезти, а? Похлебку сварим... Сто лет, кажется, не ел похлебки, все эта дрянь из пробирки... Похлебку, значит, поставим, и мяса еще останется... Помните настоящее мясо, оглоеды? Ну да, откуда вам помнить...

От отцовской лжи отчего-то стало неловко Гензелю, точно это он сам сейчас солгал. Пришлось сделать вид, что изучает какую-то тварь, расположившуюся поодаль на кочке и похожую на трепыхающийся эмбрион цыпленка. Отец не обратил на нее внимания — на добычу, как и все прочие обитатели этого проклятого леса, она не тянула.

Позади них что-то булькнуло, Гензель мгновенно обернулся, внутренне холодея, представляя, как клочок белых, точно паутина, волос Гретель пропадает в какой-то зубастой, выросшей из ниоткуда пасти. Но успел заметить только то, как Гретель бросила что-то в кусты. Повернувшийся мгновением позже отец не заметил и этого.

— Гипохромная анемия! Что за ленивая девчонка... — выругался он было, но сам отчего-то быстро смолк. — Двигай, бедовая! Ох, несчастье мне с вами. Угораздило же взять с собой на охоту... Надо было дома оставить, хоть какой-то прок был бы. Ну давайте же... Вон уже поляну видать. Там и остановимся.

То, что отец назвал поляной, Гензелю показалось огромным лысым лишаем, выросшим посреди хлюпающей топи. Бессмысленно разрастающаяся ткань, розовая, с серым налетом, выпирала на поллоктя вверх из тела Железного леса и была обрамлена зарослями тонкой и жесткой, как старушечий волос, травы. Может, это была раковая опухоль, зародившаяся внутри гниющего леса и медленно пожирающая его?.. Гензель не хотел об этом задумываться. Он безропотно ступил ногой на отвратительно упругую поверхность и ощутил подошвой изношенного сапога что-то вроде испачканной в прогорклом сале губки. Гретель забралась на «поляну» без его помощи, молча замерла поодаль.

— Ждите меня здесь, — решил отец, переступая с ноги на ногу. — Наломайте веток, разведите костер... Я по округе похожу, может, и подстрелю кого. Буду до темноты. Только не вздумайте никуда отходить, как в прошлый раз, а то всыплю так, что мало не покажется! Слышите меня, чертенята? Я скоро вернусь.

Шумно дыша, отец зашагал по направлению к проходу между зарослями. Гензель думал, что сможет это выдержать, но зрелище удаляющейся отцовской спины, такой знакомой, неуклюжей, прочной и привычной, едва не заставило его по-детски хлопнуть носом. Даже отцовская нога, механическая и противная, не вызывала у него привычного раздражения, напротив, ее ритмичный скрип стал звучать едва ли не жалобно.

«Скруээ-э-пп-п-п! Ах, прощайте, бедные, бедные дети... Скруээ-э-пп-п-п!.. Теперь-то мы уж не встретимся. Скруээ-э-пп-п-п! Не натирать меня вам больше масляной тряпицей, не полировать песком! Скруээ-э-пп-п-п! Скруээ-э-пп-п-п!»

«Неужели больше ничего не скажет? — подумал Гензель, разглядывая скособоченную отцовскую спину, уже наполовину скрытую скользкой серой листвой Железного леса. — Так запросто и уйдет?..»

Ему показалось, что отец вот-вот остановится, повернется и что-то скажет им на прощанье. Пусть даже это будет что-то нарочито-грубое вроде: «Не вздумайте съесть обед сразу же, лентяи!» — или: «Не приведи Человечество вам куда-то отойти!» Но отец не сказал и этого. Замедлил на мгновение свой тяжелый шаг, но даже не повернулся. Нырнул в колючие заросли, листья за его спиной плотноядно зашипели, — и пропал. Даже скрежет механической ноги оборвался почти мгновенно. Словно топь мигом сомкнулась над головой отца. Или же над их с Гретель головой.

2

— Он ведь не вернется, да?

Гензель обернулся. Гретель сидела на кучке хвороста, обхватив тощие, в рваных чулках колени. Ее огромные полупрозрачные глаза посерели от усталости и страха. Гензель хотел было ее утешить, но вовремя вспомнил, что теперь он — единственный мужчина здесь. А мужчинам непозволительны всякие глупые нежности.

— Откуда нам знать? — буркнул он нарочно грубовато. — Может, и придет.

— В прошлый раз не пришел.

— Так то в прошлый... Заплутал небось, тут это запросто. Еще не родился, сестрица, тот следопыт, что здешние тропы знает. Да и нельзя здешним тропам доверять, сама знаешь.

Гретель вздохнула:

— Знаю.

Гензель понимал, что больше она ничего не скажет, так и будет молча сидеть, не жалуясь и не хныча.

— Вернется он, поняла? В прошлый раз он нас случайно потерял. А сейчас — вернется. Я чувствую.

— Ты же только кровь чувствуешь, Гензель... — пробормотала Гретель, но Гензель упрямо мотнул головой.

— Чувствую, и все тут, ясно? Вернется он за нами. Так что нечего сопли до земли тянуть, вот что. Давай-ка и верно костер разведем, все одно не так пакостно ждать будет.

— Давай...

Но костра им развести не удалось. Гензель возился с хворостом часа два, сперва терпеливо, потом упрямо и под конец остервенело, но не добился даже язычка пламени. Обломки сухих веток, валявшиеся под ногами, не хотели гореть. Они были похожи на кости му-

мифицированных животных, твердые и ломкие, неохотно щепились и совсем не давали жара. Гензель складывал их то так, то этак, чиркал кремнями до тех пор, пока подушечка большого пальца не превратилась в кровотокающую мозоль, — тщетно. Здешний мох не горел, от огня он чернел и съеживался, распространяя запах, похожий на трупный смрад. Гензель попытался ножиком оторвать кусок сухой коры, но бросил это — стоило ему приложить усилие, как ствол дерева затрепетал, словно от боли, а из разреза выступила багряная, похожая на кровь смола. Гензель чертыхнулся и бросил свои попытки.

— Посидим без огня, — решил он, плотнее кутаясь в свои обноски. — Не помрем небось.

Гретель кивнула. Она редко заговаривала первой и уж точно не собиралась пенять брату за неумелость. Сжавшись в комочек, нахохлившись, она серым воробушком сидела на своем месте, не обращая внимания на страшный лес, окружающий ее со всех сторон.

А лес чувствовал их беспомощность. Сперва Гензель гнал эти мысли, силясь уверить себя в том, что шипение Ярнвида, от которого кожа на спине покрывается колючими ледяными мурашками, во все не стало громче. Но через три часа, когда отец все еще не вернулся, почувствовал, что долго не выдержит. Лес обступал их со всех сторон, и узкое кольцо «поляны», казалось, делается все меньше с каждой минутой. Лес шипел, трещал, скрежетал, бормотал тысячью гадостных змеиных голосов и предвкушал сытную трапезу. Двое детей на поляне, точно на блюде, тощих, но полных теплой и сладкой крови, — крови и приятно хрустящих тонких косточек...

— Скоро вернется, — убежденно сказал Гензель. — Ей-ей, скоро уже. Наверно, дичь какую-то в самом деле нашел.

Но Гретель лишь качнула белокурой головой.

— Здесь нет дичи, братец.

Он разозлился, хотя Гретель, конечно, ничуть не была виновата в том, что с ними приключилось. И замечание ее насчет дичи тоже было верным. Дичи в Железном лесу отродясь не водилось. По крайней мере такой, что не была бы ядом человеческому метаболизму.

— Нету! — фыркнул он. — Уж тебе-то знать, малявка! Можно подумать, весь Ярнвид исходила.

— Я знаю, что нету, — сказала она по-детски упрямо, но тихо. — И ходить для этого никуда не надо. Это старый лес, больной.

Насчет больного — это она, пожалуй, верное слово нашла. Именно такое ощущение у Гензеля и возникло.

— Чем же он болен? — тем не менее спросил он немного насмешливо. — Скажите на милость, госпожа геномастер!

Но Гретель никогда не обижалась на него, даже когда он позволял себе зубоскалить, насмехаясь над ее единственным увлечением. Она отбросила со лба прилипший к нему белый локон и сказала:

— Он болен... всем, братец. Всем сразу. Эта хворь, что поселилась в нем, не обычная. Это генетическая хворь. Страшная. Все его генетические цепочки перепутались, обросли грязью и трухой, изменились... Полное генетическое вырождение, что длится уже не одно поколение. Каскадная хромосомная aberrация...

Гензель терпеть не мог, когда Гретель говорила на эту тему. Впервые, ужасно чудно это звучало, когда девчонка, от горшка два вершка, произносила мудреные слова про геномагию и всякие там ее процессы. Во-вторых — в этом Гензель не хотел признаться даже себе, — самые невинные словечки из лексикона геномастеров звучали зловеще и таинственно. Как и все мальчишки Шлараффенланда, он знал некоторые из них, но чтобы произнести вслух... Если застучает отец — точно ремнем выпорот, по-взрослому, до крови. А даже если нет, себя-то самого не обманешь — язык немеет при попытке произнести какое-то геномагическое словечко, а дух под ребрами спирает. И еще более жутко было слышать, как подобные слова, даже не запинаясь, выплевывает десятилетняя девчонка.

— Чертовщина какая-то, — перебил ее Гензель. — Начиталась всяких книжек... Прав был отец, спалить их надо было. Лес — и болеет! Чушь все это, любому в городе известно. Просто проклят Железный лес, проклят, и все тут. На людей, чай, не бросается... А что гадкий... Ну не всем же альвами прекрасноликими быть. Вспомни нашего соседа, дядюшку Вайнберга. Страшен был, как кобальд, а внутри добряк добряком!

— Дядюшка Вайнберг был мулом, — тихо сказала Гретель. — В нем человеческого самую малость было. Но все же человек... А тут уже и деревья — давно не деревья. Перемешалось тут все, как хлеба в горшке, перемешалось, забродило да и испортилось...

Гензель вспомнил дядюшку Вайнберга и мысленно признал, что на человека тот был похож не очень-то. Двадцать процентов человеческого фенотипа, едва не за пределом красной черты — чего же тут удивительного?.. Дядюшка Вайнберг походил на тюленя, огромного, неуклюжего, лишённого конечностей, если не считать нескольких тонких щупалец, которые помогали ему худо-бедно передвигаться. Голова у дядюшки Вайнберга была похожа на кувшин, только несимметричный, сделанный неуклюжим мастером, вдобавок — с ог-

ромными оттопыривающимися ушами и одним-единственным глазом, в котором не было даже радужки. Дядюшка Вайнберг был жутковат даже для мула. Его большое неуклюжее тело часто можно было увидеть на улице, где оно с грацией дождевого червя двигалось по направлению из дома к трактиру, если было утро, или же из трактира домой, если сгущались сумерки.

При этом дядюшка Вайнберг был добр к детям, любил поболтать и никогда не отказывал в мелких соседских услугах. Просто он был мулом. Не таким, как все. В Шлараффенланде всегда было много тех, кто не такой, как все, в этом городе всегда нужны были рабочие руки, даже если выглядели совсем не как руки...

Гензель заметил, что его собственная рука машинально коснулась узкого металлического браслета на левом запястье. Браслет был серебристым, приятного глазу цвета, и мог бы выглядеть украшением, если бы не маленький искусный замочек, смыкающий его половинки. На тусклом серебре не напрягая глаз можно было различить две цифры — «17». Гензель отдернул руку от браслета. Хоть и знал, что через какое-то время она машинально вновь потянется к нему, как язык к ноющему зубу. Тут же он вспомнил и браслет дядюшки Вайнберга — тот был еще более блеклым, даже не серебро, а шлифованная жесь, и цифра на нем была иной, пугающей и жуткой: «80».

Это означало — восемьдесят процентов бракованного фенотипа, восемьдесят частей оскверненной генетическими мутациями крови. Это означало — мул. Чернь. Бесправный городской раб. Впрочем, дядюшка Вайнберг никогда не унывал и прочим жителям не завидовал.

— Когда-то здесь был настоящий лес, — задумчиво сказала Гретель. Может быть, просто оттого что в тишине сидеть было жутковато. — Я видела на картинках. Зеленый, густой... Тогда он был здоровым. А сейчас умирает. Болезнь его точит, выедаёт изнутри.

Гензель не мог представить себе Железный лес каким-нибудь другим, но все-таки спросил:

— Был, значит, настоящим, а потом сам собой заболел? — Неохота было разговаривать про такую дрянь, как Ярнвид, но всякий разговор может скрасить ожидание, особенно такое тревожное, как нынешнее.

Гретель задумчиво коснулась пальцем шляпки гриба, что торчал возле нее. На вид тот был почти обычным, но стоило ему ощутить чужое прикосновение, как мясистая поверхность заволновалась, пошла буграми, окрасилась в смесь багрового и желтого. Гензель хотел было крикнуть, предупредить, что эта пакость может быть ядовитой

или, иди знай, скрывает под поверхностью бритвенно-острые зубья-крючки. Но сдержал себя. Давно пора привыкнуть, что во всех делах, что касаются внутреннего устройства вещей, особенно животных и растений, малолетняя сестра понимает куда больше его, взрослого лба.

— Не сам собой заболел. Его отравили. Когда-то давным-давно, когда еще и отца на свете не было. Болезнь эта развивалась в нем много лет, передавалась доминантными генами, видоизменялась, мимикрировала, разъединялась и вновь объединялась, порождала другие болезни...

Свои геномагические словечки Гретель произносила тихо, но очень старательно, словно повторяла за невидимым учителем, каждый раз заставляя Гензеля сжимать зубы.

— Кто же ее наслал? — спросил Гензель недоверчиво. — Болезнь — она из ниоткуда не берется, сама же недавно говорила. Кто мог болезнь на целый лес наслать? И к чему?

Гретель пожала худыми плечами с выпирающими ключицами.

— Не знаю, братец. Может, во время войны кто-то специально генезелье использовал, чтобы лес уничтожить, да только не рассчитал... Может, кто-то из геномастеров опыты ставил, не нам это знать. А может, и вовсе никто не виноват... Просто лес — он как большая губка, он вдыхает все то, что делает человек. Генетическая дегенерация шла в нем веками, от малого к великому. А теперь он неизлечимо болен, как и мы все. Только мы следим за генетическими отклонениями, ведем учет грязной крови, а в лесу этого делать никому...

Гензель не был уверен в том, что полностью понимает. Гретель говорила медленно, нарочно используя понятные ему слова, но кое-где сами собой вкраплялись жутковатые геномагические словечки, от которых он невольно морщился.

Мерозигота. Кариогамия. Сиблинги. Трансмутация. Аллели. Хизма...

Когда слышишь такое, поневоле возникает желание сплюнуть. По счастью, Гретель всегда была молчаливой, а уж подробными объяснениями генетической сути редко беспокоила окружающих. Скорее напротив. И все равно Гензелю иногда было жутковато от ее слов. Видит Человечество, что-то неискоренимо опасное и дрянное есть во всех этих геномагических штучках...

— Понял я, — буркнул он. — Не такая уж и хитрая наука. Я, может, в школе не учился, но про дефектные гены понимаю не хуже. Так что, значит, рано или поздно эта болезнь лес доконает?

Гретель осторожно, точно через силу, кивнула, белоснежные волосы рассыпались по плечам.

— Когда-нибудь.

«Он-то, может, и когда-нибудь, — Гензель сдержал на языке рвущуюся наружу едкость. — А вот мы, может, и завтрашнего дня не увидим...»

Лес большой, это верно. А дети — маленькие, совсем крошки по сравнению с ним. Поднимется из чащи огромная скользкая лапа, махнет — и смахнет те крошки, никто и не заметит. Только короткий крик метнется над болотом. Был бы рядом отец с ружьем — он бы, конечно, тут же поспел на помощь. Но Гензель знал, что отца рядом нет. Знал, хоть столько времени и пытался уверить себя в обратном.

Гензель вслушивался в звуки Железного леса, пытаясь различить среди его зловещего шипения, скрежета и причмокивания треск ветки под отцовской ногой. Сейчас уродливые заросли раздадутся в стороны, и на поляне покажется отец. Уставший, исцарапанный, без добычи, но живой, со своей противной скрипящей ногой. Махнет рукой и буркнет: «Чего уселись, как слизи под лопухом? Домой пойдем!»

Несколько раз Гензель едва не вскакивал от неожиданности — ему казалось, что в окружающих полянку зарослях кто-то шевелится. Но это были лишь порождения Железного леса, его бессменные слуги и обитатели, одним своим видом заставлявшие желудок болезненно сжиматься.

Один раз Гензель увидел что-то извивающееся, точно клубок змей, только клубок этот был, судя по всему, единым существом, неторопливо ползущим по болотной жиже. Существо не шипело, как можно было бы ожидать, лишь посвистывало, и свист этот напоминал полувопросительное бормотание беззубой старухи: «Фью-уи-и-ить?.. Фьють?.. Фифифиють?..» По счастью, на полянку отвратительное существо не выбралось, уползло обратно в заросли. Гензель не знал, было ли оно опасным, но на всякий случай сжал в кармане рукоятку ножа. От жителей Железного леса ничего хорошего ждать явно не приходилось. В лучшем случае они были просто ядовиты. О худшем и думать не хотелось.

Сумерки поспели раньше отца. Они были еще неразличимы глазом, лишь угадывались по накатившей из подлеска холодной и липкой влажности, а Железный лес уже ощутил их наступление. Закопошился, заскрипел своими изъеденными древними костями, закрихтел, как умирающий старик на продавленном годами смертном ложе. Гензель ощутил по всему телу противные сквознячки страха.

Один раз ему уже приходилось встречать темноту здесь, и он хорошо помнил, чего это ему стоило.

— Отец не придет, — тихо сказала Гретель, обхватившая руками колени и безучастно глядевшая в сторону. — Нам надо идти домой, братец. Как в прошлый раз.

— Придет! — упрямо мотнул головой Гензель. — Он же обещал! Он сказал ждать его!

— В прошлый раз он тоже так сказал. И не пришел.

— Он сам заблудился!

— Он оставил нас в чаще, а сам вернулся домой. К Мачехе.

Что-то внутри Гензеля отказывалось в это верить, упрямо топорило перья и порывалось отгрызнуться. Отец не мог их бросить в чаще Железного леса на верную смерть. Не такой он. Отец, конечно, строг, лаской своих отпрысков не баловал, но чтобы самолично обречь их на подобное... Да мыслимо ли!

— Это все Мачеха... — сказала Гретель тихонько. — Ты же знаешь, братец. Это Мачеха захотела нас сгубить. Отец не виноват. Пошли домой. Пожалуйста. Мне страшно.

В лесу делалось все темнее. Небо еще было серым, но стремительно мутнело, утрачивало прозрачность. Еще час или два — и темнота обрушится со всех сторон, заперев детей в Железном лесу, окружив их шипами, зубами и неведь чем.

«Мне тоже, — подумал Гензель. — Мне тоже страшно, сестрица, только говорить об этом вслух я не буду, чтобы тебя еще больше не перепугать».

— Ну пошли, наверно, — сказал он нарочито небрежно. — Один раз выбрались, значит, и в этот раз дорогу найдем, верно я говорю? Покажи-ка своих проводников...

Гретель запустила руку в карман передника. Когда ладонь разжалась, на бледной коже можно было рассмотреть несколько предметов. Каждый из них размерами не превышал желудь, но на крохотной ладошке Гретель выглядел большим. Бесформенные комки каши — вот первое, что приходило на ум Гензелю.

Белесая рыхлая плоть, едва заметно шевелящаяся, из этой плоти торчат короткие отростки, но явно слишком немощные, чтобы передвигать непомерно большое тело. Кажется, были и глаза, по крайней мере Гензель в сумерках разглядел на диковинных «желудях» крохотные точки. Впрочем, насчет глаз — это едва ли. К чему им глаза?.. Гретель никогда не создавала ничего лишнего. С глазами или без, а выглядели они не лучшим образом. Складки плоти подрагивали, отростки бездумно шевелились, а разбухшие тельца едва заметно виб-

рировали. Какие-то опарыши, подумалось ему, только беспомощные и несуразно большие.

— Какие противные! — не сдержался он. — Неужели нельзя было сделать их более... ну....

Гретель лишь пожала плечами.

— Это же просто катышки. Они не для красоты, они простенькие совсем. Ни думать не умеют, ни двигаться.

— Еще не хватало, чтобы двигались эти твои... катышки! Еще уползут к черту на рога, вместо того чтобы на месте лежать, там, где их кинули. Светиться-то ночью будут?

— Будут, — кивнула Гретель. — Я в чулане проверяла, светятся как лампочки в ночи. Они днем от солнышка тепло запасают, а ночью его высвобождают... Это нетрудно совсем, я давно так умела.

— Не знаю, что они там высвобождают, — буркнул он. — Мне главное — чтобы дорогу указывали. Много ты их кинула по пути?

— Через каждые полсотни шагов, братец. Ох и страху натерпелась... Все время приходилось отставать, чтобы отец не заметил... Я катышки в траве пристраивала, но не там, где слишком густо. Так, чтобы их днем заметно не было, а ночью, как засветятся...

— Ясно. — Гензель взглянул на быстро темнеющее небо. — Если светятся, как те твои прошлые, значит, отыщем.

— Отыщем, братец. Но...

Гензель нахмурился. Не любил он таких «но».

— Что такое?

— Эти катышки не... не такие, как прежние, — смущенно сказала Гретель, ковыряя пальцем дырку в чулке. — Они...

— Что — они? Сама же говоришь, что светятся?.. Ну так нам больше ничего и не надо, пойдем домой, как по путеводным звездам. Ну что?

— Ты понимаешь, братец... Я же эти катышки делала из того, что нам Мачеха каждое утро на завтрак давала, — пробормотала Гретель.

Гензель вспомнил неизменный, как каменные улицы Шлараф-фенланда, завтрак Мачехи, выдаваемый всем на рассвете под утробный бубнеж давно выученных наизусть наставлений. Контейнер с мутным бульоном, кажется, белковым, невероятно соленым на вкус. «Всегда помни о своем месте в обществе и уважай тех, кто занимает более достойное положение». Одноразовый тюбик сладковатой пасты с глюкозой. «Помни: каков бы ни был твой фенотип, ты человек, что означает не только права человека, но и обязанности человека». Запамятая упаковка с чем-то рыхлым, похожим на грибную мякоть, кажется, биополимерная пищевая смесь. «Трудись на благо общест-

ва и помни, что нет большего счастья, чем быть человеком». Еще один контейнер, наполненный крошечными серыми гранулами, — минеральные соли. «Будь ты октороном, квартероном или даже мулом по крови — не отравляй себя гордыней или принижением, чти свой фенотип таким, каким он был создан, и не помышляй о другом...»

Голос Мачехи был сухим, как смесь минеральных солей, и столь же скрипучим. Гензель давно привык к его отстраненности, как привык когда-то давно к неизменным завтракам. Наставления выдавались теми же взвешенными дозированными порциями, что и пища, однако насыщали еще меньше. Голос Мачехи, который он слышал каждое утро, звучал всегда неизменно, но Гензель знал, что, несмотря на это показное безразличие, Мачеха обращает на него, Гензеля, самое пристальное внимание. Каждый день, перед тем как отправить на работу, Мачеха придирчиво изучала его — рост, вес, состав крови, артериальное давление, процент жировых отложений. Мачеха заботилась о нем, пусть и без лишней нежности. Вспомнив ее неуклюжую заботу, Гензель ощутил щемящую тоску по дому. В гнилом нутре Железного леса становилось все более и более жутко.

— Так в чем беда? — спросил он у Гретель, виновато повесившей голову. — Какая разница, из чего ты делала свои катышки?

— Сегодня утром Мачеха не дала нам пасты с глюкозой.

Действительно, Гензель только сейчас вспомнил это. Нынешним утром им не выдали пасту с глюкозой. На мгновение вспомнилось короткое утреннее огорчение — паста была самым вкусным блюдом в дневном рационе. Но он быстро забыл об этом, помогая отцу смазывать механическую ногу и чистить ружье... А Гретель, выходит, не забыла.

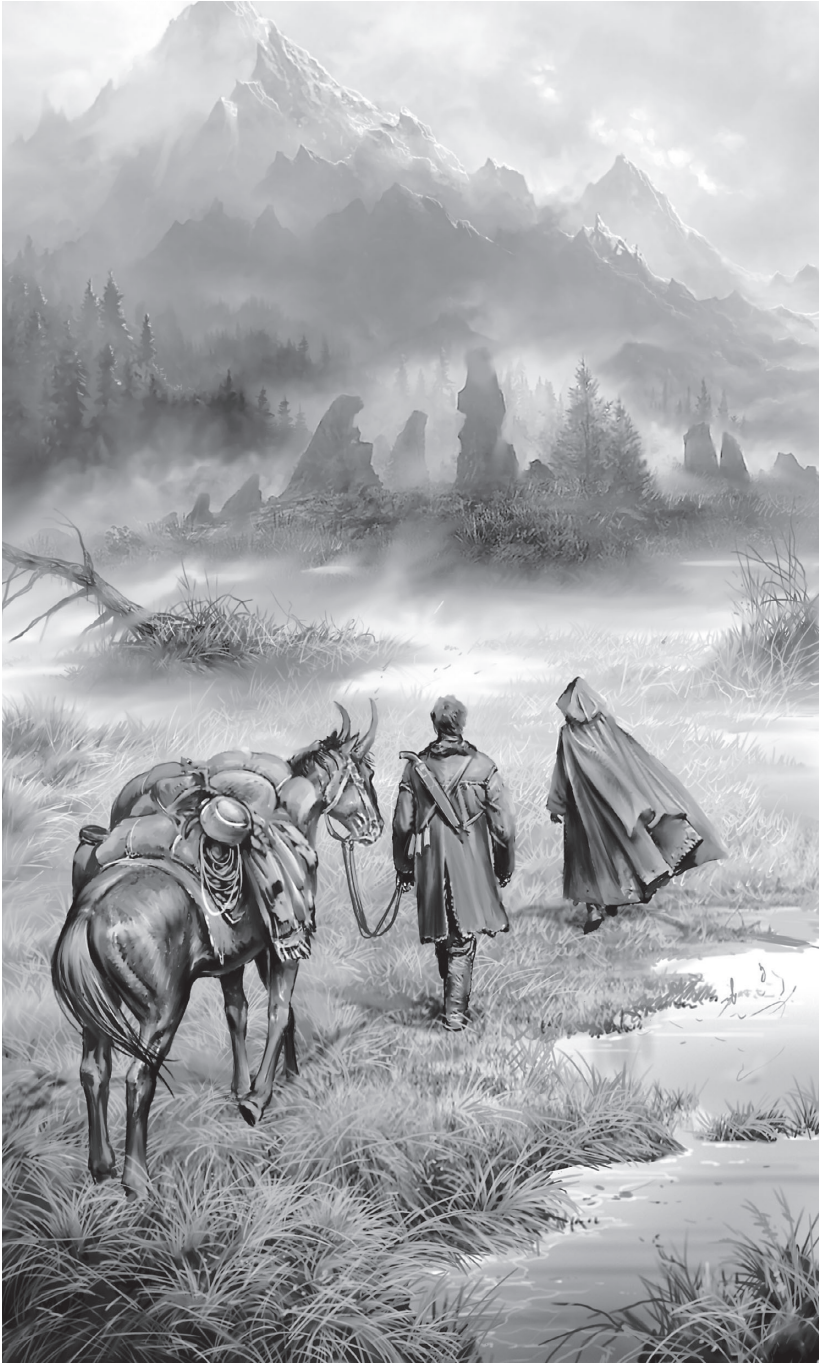
— Чтобы катышки были правильными, им нужна эта паста, — пояснила она. — В пасте есть специальные штуки... Они для запаха.

— Какого запаха? — не понял Гензель. — Зачем им запах, твоим козявкам?

— Для специального противного запаха, — терпеливо объяснила Гретель, — чтобы катышки плохо пахли и лесные звери их не ели.

Гензель сжал зубы. Об этом он тоже не подумал. А Гретель молодец, все предусмотрела. И в самом деле, они в самой гуще Железного леса, где на каждом шагу хищные твари и невиданные чудовища, коварные или же бездумные уничтожители живой плоти. Сколько часов пролежит беззащитный крошечный катышек на тропинке, прежде чем пропадет в чьей-то жадной пасти?..

• Принцесса и семь цвергов •

1

Слежка была организована ловко, этого Гензель не мог не признать.

Скорее всего, их незримо вели с того момента, как они вошли в город, от самых Русалочьих ворот. Гензель не сразу ощутил, что к привычному запаху Лаленбурга, запаху яблок, примешивается еще один — чужого внимания. И внимания, судя по всему, недоброго, пристального.

Мысль об уличных воришках Гензель отбросил сразу же. Одной его улыбки, полной акульих зубов, обычно хватало, чтобы отбить даже у самых дерзких желание интересоваться содержимым кошелька. Да и не станут обычные воры так себя утруждать — не их почерк.

Вели их аккуратно, умело, как опытный егеря ведет дичь, не показываясь на глаза, но не отрываясь от следа, выгадывая момент, когда можно будет настичь добычу и вскинуть ружье, чтоб выстрелить наверняка. Гензель не горел желанием служить для кого-то дичью, но и поделаться ничего не мог. Оставалось лишь приглядываться к окружающему, делая вид, что беззаботно разглядывает рыночные ряды и прилавки.

Здесь было на что посмотреть. На дворе стояла поздняя осень, оттого прилавки Лаленбурга были завалены яблоками, великим множеством яблок. Красные, как артериальная кровь, зеленые, как весенний луг, желтые, точно начищенная золотая монета, или даже бесцветные — здесь можно было найти товар на любой вкус, из всех уголков королевства. Каждый год к середине осени Лаленбург превращался в одну огромную яблочную ярмарку, и товара зачастую было так много, что груды битых и гнилых яблок заполняли все городские канавы.

Иногда Гензелю казалось, что в этом городе не знают другой пищи, кроме яблок. Если ему не изменяла память, яблоко красовалось даже на гербе здешней королевской династии. Он любил яблоки, но

уже через несколько минут дыхания воздухом, в котором яблочных испарений было ощутимо больше, чем любых других газов, ощутил легкое головокружение. После душистого степного воздуха, которым он дышал последние две недели, Лаленбург был серьезным вызовом его обонянию.

Впрочем, город хранил для гостей и иные ароматы. Чем дальше они с Гретель отходили от ворот, тем сильнее это ощущалось. Они миновали скотобойню (тяжелый запах застарелой крови), мастерские скорняков (едкий до тошноты аромат каких-то красителей) и углеводородную фабрику (оттуда отчего-то тянуло спиртом и чем-то кислым, как забродившее сусло). И сразу оказались в переплетении крошечных улочек и переулков Лаленбурга — настоящая паутина, сотканная гигантским пауком из осыпающихся блоков и позеленевших от времени бетонных плит.

Их по-прежнему вели, так же аккуратно и уверенно. Гензель даже не оглядывался, его чутье уже подняло свою заостренную акулю морду над поверхностью. Чутье говорило, что загонщики уже очень близко. Пользуясь несравненно лучшим знанием окрестностей, они постоянно находились рядом, но ни разу не показались на глаза. Хороший навык, прикинул Гензель. Выдающий крайне настойчивое желание встретиться. По его расчетам, встреча не должна была заставить себя ждать — через полста метров переулок, которым они шли, круто изгибался, а вокруг было множество подворотен самого заброшенного и зловещего вида. Если бы встречу планировал он сам, это место было бы со всех ракурсов идеальным для засады.

— Эй, сестрица! — окликнул он Гретель, шедшую на пару шагов впереди. Обычное дело — погруженная в собственные мысли, она не следила за скоростью шага, а шаг этот порой был не по-девичьи стремителен. — Постой-ка, не лети!

Она подняла на него свои прозрачные глаза:

— Что такое, братец?

— Похоже, кто-то жаждет с нами встретиться.

Кажется, это не произвело на нее никакого впечатления.

— Грабители? — только и спросила Гретель. Таким тоном, каким обычно осведомляются о том, не припустит ли к вечеру дождь.

— Едва ли. — Он покачал головой. — Слишком ловки. Вспомни, пожалуйста, нет ли у нас в Лаленбурге знакомых, коим не терпится с тобой поговорить?

Гретель пожалла плечами, которые казались худыми и острыми даже под грубым мужским дублетом. Едва ли кто-то, кроме стражников при воротах, вообще распознал в ней женщину. Грубые потре-

скавшиеся ботфорты выглядели ничуть не элегантно, зато служили зримым доказательством многих отсчитанных миль. Да и потертый берет, под которым скрывались коротко остриженные волосы белого, как тополиный пух, цвета, не был верхом изящества. Даже двигалась Гретель не по-женски целеустремленно, резко, совершенно не пытаясь придать своим движениям грациозность. За спиной у нее висела бесформенная походная сумка из потрепанного брезента. Словом, совсем не тот тип девушки, на который позарилась бы охочая до женского общества лаленбургская чернь.

— Мы давно не были здесь, братец, — сказала она.

— Четыре года. Кто-то мог соскучиться. Приличный срок, а?

— Смотря для чего.

— Или для кого. Возможно, с тобой не терпится встретиться кому-то из старых клиентов с хорошей памятью? У тебя ведь, помнится, было много контрактов здесь?

— Все мои контракты выполнены. Претензий не было.

— Это Лаленбург, сестрица, — вздохнул Гензель. — Здешние деловые обычаи вполне допускают претензии, высказанные остывающему трупу.

— Ты уверен, что это не грабители?

— Уверен. Слишком уж терпеливы и хитры. Грабители выбирают цель возле ворот, но идут за ней не слишком долго. Чтобы полоснуть бритвой по шее и вырвать котомку, не надо много времени. А эти... Они ждут, пока мы углубимся в переулки. Видно, хотят потолковать обстоятельно и долго, без лишних свидетелей. Один идет позади нас, шагах в двадцати. Еще двое поджидают впереди, вон в той подворотне. Думаю, они собираются выглянуть из норы, как только мы окажемся рядом. Нас отрежут с двух сторон.

Гретель не выглядела обеспокоенной. Насколько Гензель ее знал, она вообще никогда не выглядела всерьез обеспокоенной, сохраняя на бледном лице выражение предельной сосредоточенности, что граничило с отрешенностью. Такая уж она, сестрица Гретель.

— Нас хотят убить? — буднично спросила она.

Подумав, он покачал головой:

— Это можно было бы сделать еще раньше, за фабрикой. Выстрел в спину — и поминай как звали. Там было вполне подходящее место. Но я думаю, они хотят чего-то другого.

— Тогда давай встретимся с ними, братец, и узнаем, чего они хотят.

Ему это не понравилось. На взгляд Гензеля, пустынные переулки Лаленбурга были не лучшим местом для встреч. Слишком уж часто

на его памяти подобные встречи заканчивались самым прискорбным для одной из сторон образом. Но спорить с Гретель он не стал. Лишь понадеялся на то, что ее безмятежность имеет под собой надежную почву. Более основательную, чем уверенность в силах старшего брата.

Рука, однако, рефлекторно проверила висящий за правым плечом мушкет. Короткий, трехствольный, с укороченным до предела прикладом, он отлично подходил для узких улочек, однако даже батарея тяжелых картечных не поможет тому, кто теряет бдительность. Колесцовые замки он завел и смазал еще до входа в город и теперь лишь убедился в том, что они не дадут осечки. Порох на полках сухой, стволы надежно забиты пыжами из промасленной бумаги. В двух стволах пули, в одном — рубленая дробь. Хороший трактирщик всегда готовит блюда загодя — чтобы подошли аккуратно к приходу гостей. А в том, что гости не заставят себя долго ждать, он уже не сомневался...

Они и в самом деле показались из подворотни, чутье не соврало. А негромкие, отраженные стенами звуки шагов за спиной подсказывали, что их встреча спланирована наилучшим образом.

«Человечество Извечное и Всеблагое! Дай нам, твоим увечным потомкам, силы и смелости да избавь от тяжести грехов наших и наших предков!» — Краткую молитву Гензель вознес скорее по привычке, без должного почтения.

Как чувствовал, что не стоило возвращаться в Лаленбург, город тухлых яблок и генетической скверны!..

— Доброго дня, сударыня ведьма!

Сказано было без надлежащего уважения, скорее с насмешкой. От одного этого голоса Гензель ощутил, как дремлющий в его генетических цепочках хищник напрягся. Невидимые зубы едва заметно разомкнулись, обнажаясь в щербатой акульей усмешке. Такой голос не предвещал ничего доброго, ничего хорошего, ничего путного. Такой голос обещал неприятности. Может быть, больше неприятностей, чем он, Гензель, успеет отвести.

Эти двое были бы примечательной парой, но только не для Лаленбурга. Здесь можно было встретить и не такую компанию.

Первый был квартироном, это Гензель мгновенно определил по металлическому блеску браслета на руке. Цифру на браслете с такого расстояния не разобрать, но он готов был поставить половину своих зубов на то, что она не ниже двадцати. Как минимум двадцать процентов порченной крови, генетического сора. Слишком уж раздуто тело, слишком искажены человеческие пропорции.

«Да он похож на огородное пугало, — подумал Гензель, ощущая безмерную брезгливость. — Словно изнутри его набили сеном и тряпьем, да так, что едва не трескается...»

И в самом деле, кожа была растянута, а черты лица поплыли, словно их нарисовали краской на полотне, а само полотно потом натянули на излишне широкий холст. Здоровяк переминался с ноги на ногу и казался неуклюжим, но Гензель не собирался терять бдительности. В этом раздутом теле, судя по всему, скрывалась недюжинная сила, вон какие свисают бурдюки мышц... В блеклых и затертых, как старые пуговицы, глазах почти не угадывалось мысли, чувства, лишь концентрированная и едва сдерживаемая животная ярость. Не человек, а огромный ком плоти, причем плоти явственно агрессивной. Судя по тому, как подергивалось это чучело, как глухо ворчалось, пачкающая почти отсутствующий подбородок стекающей желтоватой слюной, оно не собиралось вступать в долгие и обременительные беседы.

Второй был мехосом. Это сперва удивило Гензеля — механические люди редко совались в кварталонские кварталы города. Слишком много тут грязи, угрожающей их смазанным сочленениям и фильтрам. Но этот, кажется, не боялся грязи. Он выглядел так, словно вообще ничего не боялся, и, надо сказать, имел для этого все основания.

Огромная, на голову выше Гензеля, металлическая туша, руки — стальные балки, торс — дреднот, укрытый броневыми пластинами, из-под которых свисают гроздь силовых кабелей, голова — литой бункер, разве что торчащих из глазниц орудийных стволов не хватает... Кое-где угадывались островки плоти, но ее было так мало, что она не составляла и процента от общей массы мехоса, лишь зоркий глаз мог заметить ее нездоровую желтизну в пробоинах корпуса.

Когда-то это существо было человеком, но было им так давно, что давно должно было забыть, что это такое. Что ж, подумалось Гензелю, некоторые выбирают и такой путь бегства от несовершенства плоти и генетических увечий. Замени свои мышцы гидравлическими поршнями, кожу броней, а внутренние органы грохочущими железками, — но полностью от своей генетической сущности все равно не избавиться. Зато все в соответствии с церковными догматами, осуждающими любое вмешательство в генетический код.

Этот тип не был похож на монаха. И едва ли он оказался здесь, в глухой подворотне, по делам Церкви Человечества. По крайней мере, Гензель сомневался, что с подобными гидравлическими сухожилиями и лязгающими пальцами, способными раздавить в кулаке че-

ловеческую голову, удобно собирать милостыню или молиться за генетические грехи ныне живущих. Обладая подобным арсеналом, встроенным в тело, проще добывать хлеб насущный куда более простым и древним способом.

Глухая маска, когда-то бывшая человеческим лицом, не сохранила достаточно плоти, чтоб выражать эмоции, но в позе мехоса, в наклоне его головы, даже в равнодушном блеске тусклых объективов Гензелю почудилось сдерживаемое злорадство. И даже нечто сродни голоду, хотя едва ли этот гигант остался в состоянии употреблять обычную человеческую пищу.

Гретель не оскорбилась из-за «ведьмы». И испуганной не выглядела. На странную пару она смотрела совершенно равнодушно, как на самых обычных лаленбургских прохожих.

— И вы здравствуйте, судари, — сказала она спокойно, остановившись в трех-четырех шагах.

Гензель встал по левую сторону от нее. К мушкету он не прикасался, позволив тому висеть за плечом мертвым грузом, даже принял нарочито расслабленную позу. Не стоит заранее провоцировать того, кого собираешься в скором времени убить. А в том, что ему придется это сделать, он уже почти не сомневался. Слишком странная компания, слишком неподходящее место, слишком нехороший тон. Никто не ищет встречи с «сударыней ведьмой» в глухом месте, если не замышляет чего-то недоброго.

— Значит, узнали? — громыхнул мехос. Голос у него был не человеческим и не машинным, а чем-то средним — как будто кто-то надел даром речи тяжелый металлургический станок. — Нам очень от радно слышать это. Мы ведь имели счастье общаться с вами, сударыня ведьма. Пять лет назад, если память мне не изменяет.

— Четыре с половиной года, — кивнула Гретель, спокойно разглядывая собеседника. — Или немногим меньше.

— У вас, кажется, отличная память!

— Я всегда помню своих клиентов.

— Вот как... И что скажете про меня?

— Вы обратились ко мне за помощью. И вы ее получили. Контракт был выполнен. Насколько я понимаю, вы собираетесь выразить мне благодарность?

Мехос приблизился на шаг. Слишком резкое движение — брусчатка под его лапами прыснула в разные стороны мелкими каменными осколками.

— Благодарность? — проскрежетал он. Слова словно отделялись от глыбы грязного металла ржавым диском циркулярной пилы. —

Пожалуй, можно сказать и так! Да, наверняка. Наша благодарность ждала несколько лет и уже немного залежалась! Мы уже думали, что вы никогда не вернетесь в Лаленбург. И тут, подумать только, такая счастливая новость! Не желаете ли потолковать с вашими благодарными клиентами?

Гензель почувствовал близкое присутствие третьего — того, что прежде таился за их спинами. Осторожно повернулся, чтобы рассмотреть нового противника, и скривился.

Мул. Конечно же. Вот отчего он так тихо крался, как не каждый человек сумеет. Генетическое отродье, чей фенотип обезображен более чем наполовину. Гензелю приходилось видеть самых разных мулов во всех частях света, включая и тех, чье родство с человеком было почти невозможно установить. Но ему пришлось признать, что этот мул был одним из самых отвратительных на его памяти.

Получеловек-полужверь, причудливое сочетание генетического мусора и порочных тканей. Нижнюю часть тела вполне можно было принять за человеческую, разве что ноги выгнуты в другую сторону и украшены толстыми когтями. А верхняя... Наверно, так могло бы выглядеть существо, которое сумасшедший бог сперва слепил в виде человека, а потом решил превратить во льва, но так и не закончил работы.

Разросшаяся бочкообразная грудная клетка поросла жестким черным и желтым волосом, а конечности можно было назвать и руками, и лапами — сразу и не определишь, кому они принадлежат. Судя по тем же когтям — все-таки зверю. Но ужаснее всего была голова. На плечах у мула торчала несимметричная глыба в обрамлении свалывшейся и висящей грязными кочьями гривы. Вытянутая пасть, полная крупных желтых зубов, а над ней — абсолютно человеческие глаза, полные сдерживаемой, но уже не вполне человеческой злости. Человек-лев. Еще один член здешнего цирка уродов. И, надо думать, еще один недовольный покупатель, имеющий претензии к «сударыне ведьме».

Гензель беззвучно вздохнул, стараясь держаться вполоборота к третьему члену шайки. Так всегда заканчивается, когда возвращаешься в город, где давно не был и чью пыль давно стряхнул с подошв. Всегда — если путешествуешь в компании с геноведьмой. Добрую память о себе может оставить портной или печник, но только не тот, кто манипулирует живой материей, искажая ее по своему разумению. Вслед ему всегда будут нестись проклятия и слезы. Даже если уговор был выполнен самым честным образом. Гензель вздохнул

еще раз. Особенно если уговор был выполнен самым честным образом.

— Не в моих правилах возвращаться к старым контрактам. — Гретель с полнейшим равнодушием разглядывала мехоса, который, судя по всему, был главным у этой троицы и выражал от себя ее волю. — Но если у вас есть претензии к моей работе, вы всегда можете обратиться в магистрат. Я буду в городе еще несколько дней.

Похожий на набитое чучело здоровяк глухо заворчал, роняя на мостовую хлопья слюны. Он явно не отличался острым умом, но холодный голос геноведьмы одним своим звучанием скверно на него действовал. Такие обычно и нападают первыми. Гензель хладнокровно наметил здоровяка первой целью.

— Нет, сударыня ведьма, — проскрипел мехос с уже нескрываемым злорадством. — В магистрат нам не с руки обращаться. Пусть там благородные господа заседают, которые не брезгают ручкаться с геноведьмами. Да, пусть они там заседают! А мы, извольте видеть, презренные мулы, у нас другой разговор. Мы так соображаем: если кто-то пообещал, но не дал, а деньги себе зажиллил, с этого кого-то полагается спрос. По нашим меркам так выходит, сударыня ведьма.

Кого-то другого подобное замечание, особенно из уст такой компании, могло бы заставить напрячься. Но Гретель и бровью не повела. На странную троицу она, как и прежде, поглядывала совершенно равнодушно, как на досадное, но не представляющее никакого интереса препятствие.

В ее глазах они и были препятствием, понял Гензель. Одним из многих, которые заставляют терять время и вносить коррективы в планы. Геноведьмы не любят излишне навязчивых препятствий. И те из них, которых нельзя преодолеть, они зачастую попросту устраняют — с тем же равнодушием, с которым смахивают мошку со стекла объектива. А еще геноведьмы не умеют приносить извинений и совершенно чужды дипломатии.

Гензель прочистил горло.

— Шли бы вы себе, господа мулы, — сказал он, глядя в мутные глаза мехоса. — Сударыня геноведьма проделала сегодня длинный путь и порядком устала. Не навлекайте себе на голову больше неприятностей, чем сможете унести.

Человек-лев за спиной расхохотался. Вышло удивительно человечески, учитывая его полную зубов пасть.

— А ты кто таков, бродячая падаль? Телохранитель? Компания-он? — проревел он.

— Родственник, — кратко ответил Гензель.

— К тебе мы претензий не имеем. Ты не геномаг. Можешь катиться отсюда!

Гензель усмехнулся. На некоторых его усмешка действовала надлежащим образом. Но некоторые — как эти трое — переступили черту. Такие не отступают. Даже увидев человека с полным ртом угольных акульих зубов.

— Разве это зубы? — расхохотался человек-лев, вокруг пасти которого клочьями повисла пена. — Я могу показать настоящие зубы! Смотри! Эти зубы отгрызут тебе голову быстрее, чем ты моргнешь!..

— Не обломал бы ты их... — пробормотал Гензель и покосился на Гретель: чего ждет?..

Гретель разглядывала странную компанию с прежним равнодушным видом. И Гензель чувствовал, как под взглядом ее прозрачных глаз все трое постепенно теряют уверенность. Они думали, что все будет проще. Проследить, окружить в подворотне, немного надавить — и вот уже «сударыня ведьма» рыдает и просит пощады. Если так, их ждало не самое приятное открытие.

Геноведьмы не испытывают страха. Как и жалости. И прочих человеческих чувств.

— Мой брат прав, у нас мало времени. Какие у вас претензии к моей работе?

— Вы не выполнили уговора! — рявкнул мехос так резко, что внутри него что-то задребезжало. Может, отошла какая-то деталь?.. — Вы не сделали того, за что мы заплатили вам!

— Я всегда выполняю уговор. Я даю людям то, чего они хотят. Если это не противоречит природе геномагии.

— Вы обманули нас! Вы думали, что уйдете от наказания, если сбежите из Лаленбурга? Не вышло! Мы ждали вас. Долго ждали. Вы сами пришли к своей плахе, сударыня ведьма!

— Я помню всех вас, — спокойно обронила Гретель. — У меня хорошая память. Конкретно вы хотели, помнится, настоящее сердце...

Мехос ударил себя в грудь. Будь она человеческой, ребра уже сломались бы, как рыбы косточки. Но бронированная сталь легко выдержала удар. Такая, пожалуй, выдержит и попадание из мортиры...

— Да, дьявол вас раздери! Человеческое сердце! И я поклялся, что вырву из груди ваше — оно вполне мне подойдет!

— Вы слишком поздно обратились ко мне, — сказала Гретель, не выказывая ни сожаления, ни сочувствия. От ее безэмоционального голоса даже Гензель на какой-то миг ощутил себя неудобно. — Ваше тело страдает от излишней механизации, ваша система кровоснаб-

жения редуцирована и почти уничтожена. Ни одно человеческое сердце не смогло бы функционировать, помести я его в вашу грудную клетку. Слишком много металла, слишком мало органики. Я дала вам кое-что другое.

— Вы дали мне чертов метроном! Он до сих пор отсчитывает удары в моей груди. Я слышу его стук! Но это не сердце. Не человеческое сердце! Я не могу чувствовать им, как чувствуют человеческим сердцем!

Другой человек на месте Гретель пожал бы плечами. Она не сделала и этого. За все время разговора она вообще не пошевелилась, не говоря уже о том, чтобы совершать какие-то жесты. С точки зрения геноведьмы, жесты — всего лишь бесцельный расход энергии. Пустая трата калорий.

— Больше я ничем не могу вам помочь, сударь лесоруб. Но мне показалось, что вы обратились ко мне не ради того, чтобы внутри вашего стального тела медленно некротизировал кусок бесполезной мышцы. Вы хотели вновь почувствовать себя человеком, ощутить давно забытый стук сердца. Я дала вам это.

Мехос зарычал, но Гретель уже повернулась к его соседу, раздуваемому толстяку.

— И вас я помню. У вас была серьезно нарушена высшая нервная деятельность. Серьезная дегенерация головного мозга и низкий коэффициент умственного развития. Скорее всего, результат генетической болезни в вашем роду. Мне жаль, но геномагия была здесь бессильна. Нельзя научить думать то, что думать не способно. Даже за все деньги мира. Но я смогла помочь вам. Стабилизировать ситуацию.

— Вы вскрыли ему голову и засунули внутрь пучок иголок! — рыкнул мехос.

Толстяк быстро закивал, но, судя по его пустым глазам, он с трудом сознавал ход разговора. Присмотревшись, Гензель действительно заметил ровный розовый шов, разделяющий вдоль его покатым лоб — след давней трепанации.

— Не иголки. Стимуляторы нервных центров. Они гарантируют ему еще несколько лет почти полноценной нервной деятельности. Он не будет терять память, не превратится окончательно в овощ, останется способным ощущать хотя бы зачаточные эмоции. Если вы ожидали, что я дам ему новый мозг и он выйдет от меня мудрецом, то ваши ожидания были беспочвенными. Это не по силам даже геномагии.

На взгляд Гензеля, этот толстяк и так был овощем, чьего куцевого сознания едва хватало для управления телом. Но в разговор он старался не вмешиваться. Это по части Гретель. Когда у нее закончатся слова, а у этих ребят — терпение, придет его черед выполнять свою часть работы.

— А я? — Человек-лев хотел было протянуть лапищу, чтоб схватить Гретель на плечо, но наткнулся на ее взгляд и отчего-то не решился сделать последний шаг. — Помнишь, что ты обещала мне, ведьма?

— Смелость. Я обещала вам смелость, сударь.

— Да! И где она, моя смелость? Где она, я спрашиваю?

Гретель коротко усмехнулась. Гензель знал, что ее усмешка — не вполне то же самое, что усмешка обычного человека. Не обычное, принятое в разговоре среди людей, напряжение мимических лиц. От улыбки геноведьмы непроизвольно хочется осенить себя священным знаком Двойной Спирали. Особенно жутко эта усмешка выглядит в сочетании с пустыми глазами, которые, кажется, смотрят сквозь собеседника, и ничего не выражающим, сродни маске, лицом.

— Вы все не понимаете сути геномагии, — произнесла Гретель. — Оттого и просите того, что невозможно. Геномагия — способ воздействия на материю, но она не всесильна. Вы же ждете от нее чуда.

— Хватит болтать! Где моя смелость, ведьма?

— Смелость — не орган и не железа, которую можно пересадить. Я стимулировала ваши надпочечники для выработки большей дозы норадреналина, но дело не в нем. Едва ли вам нужна была смелость. Мне кажется, причина вашего беспокойства в другом. Вы слишком презираете физическое уродство своего тела, свои собственные генетические пороки. И смелость едва ли вам в этом поможет.

Человек-лев хлестнул себя хвостом по боку.

— Ты лжешь, ведьма! Ты украла наши деньги! Ты посмеялась над нами!

Он медленно надвигался на нее. По сравнению с хрупкой фигуркой Гретель этот мул казался огромным и несокрушимым. Одного удара его лапы должно было хватить, чтобы смять ее, раздавить, вбить в брусчатку. Но Гретель даже не попятилась. С прежним спокойствием стояла на месте, не делая и попытки отстраниться. Нечеловеческая выдержка. Выдержка настоящей ведьмы, подумалось Гензелю, человека, слишком глубоко погрузившегося в запретные тайны геномагии, чтобы интересоваться чем-то насущным и обыденным. Вроде сохранности своей головы.

Вот почему рядом с ней всегда должен находиться брат-защитник.

— Отойдите, — сказал он негромко, приподнимая мушкет. — Я, конечно, не геномаг, но кое-какие чудеса делать умею. Если вам не нравится то, что вы получили, я легко могу вышибить все, что вы получили, обратно. Только это будет немного больше, чем при работе сударыни Гретель...

Какую-то секунду ему казалось, что это может сработать. Что эти трое, давно потерявшие человеческий облик, эти изуродованные дети грязного города вдруг одумаются. И отступятся. И что-то человеческое вдруг проклонется сквозь их искаженную, полную генетической скверны оболочку. Но это длилось всего секунду.

— Взять ведьму! — проскрежетал мехос, расставляя огромные, гудящие гидравликой лапы. — Рви их!..

Им не было нужды распалять себя. Они уже были готовы, только ждали подходящего момента.

Гензелю приходилось слышать от бывалых воинов, что во время боя время растягивается, а каждая секунда превращается в минуту. Он сам ничего такого не испытывал. А то, что он испытывал, едва ли было кому-то знакомо.

Он просто ощутил, что хищник, плавающий в непроглядных черных глубинах его внутреннего моря, давно напрягшийся в ожидании добычи, поднялся к самой поверхности. Он чуял свежую кровь. Грязную, не вполне человеческую, но горячую и сытную. Этого было довольно.

Кровожадный хищник с гибким и сильным телом акулы. Хладнокровный и в то же время алчущий крови. Спокойный, как сама смерть. Гензель слишком долго сдерживал его. Пришло время дать ему свободу.

Человек-лев, стоявший за спиной Гензеля и Гретель, наверняка считал, что успеет первым. Что его лапа, вооруженная острейшими когтями, вскрыет черепа наглецов, пока те таращатся на громыхающего мехоса. В конце концов, он тоже был хищником — опытным, бесшумным и очень ловким. Он знал: самая легкая добыча — та, что смотрит в другую сторону.

Возможно, он просто никогда не сталкивался с акулами. И не знал, что их холодные, как вечная ночь, и столь же равнодушные глаза могут смотреть в любую сторону.

Ствол мушкета крутанулся в руке Гензеля и вдруг уставился в живот мулу. На таком расстоянии не было нужды целиться, даже если стреляешь себе за спину. И Гензель не целился. Он знал, что по-

падет, еще до того, как курок колесцового замка, звонко клацнув, сработал. Механизм не подвел. Негромкий хлопок сгорающего на полке пороха — и сразу же мгновенно оглушающий грохот мушкета.

Живот человека-льва лопнул, как обивка старого дивана, только в глубине обнажились не ржавые пружины, а влажные комья внутренних органов, часть из которых вперемешку с клочьями плоти и шерсти усеяла брусчатку. Возможно, среди них были и модифицированные надпочечники. Если так, человек-лев должен был окончательно утратить смелость. И он ее утратил.

Отшатнувшись к стене дома, мул взвыл, как-то фальшиво и удивительно тонко, и нелепым движением попытался прижать лапы к ране — словно затыкал дырявую трубу, из которой хлещет вода. Но воды уже было слишком много, и цвет у нее был грязно-алым, как дрянной яблочный сидр на здешнем рынке. Человек-лев завыл. Его огромные когти были созданы для того, чтобы впиваться в противника и разрывать его на части, но с удержанием собственных внутренних органов справлялись куда хуже...

Гензель сразу же забыл про него, развернувшись к мехосу и его спутнику. У некоторых существ, наделенных в полной мере инстинктом самосохранения, зрелище умирающего товарища может вызвать потерю уверенности. Но эти двое лишь замешкались на пару секунд. Значит, не передумают.

Они бросились на него одновременно, в полном молчании.

Драка в подворотне не любит лишних звуков — угроз, проклятий, выкриков. Настоящие хищники могут скалиться и рычать, когда демонстрируют силу или вызывают противника на бой, но молчат, когда дело доходит до драки. И эти двое вовсе не были новичками, Гензель ощутил это сразу же.

Стальная туша мехоса казалась неуклюжей, лишь пока пребывала в неподвижности. В бою ее хорошо смазанные члены работали почти беззвучно, двигаясь с равномерной машинной грацией. Сошедший с ума многотонный станок летел на Гензеля, заноса для удара сверкающую, как хирургический инструмент, руку. Любое существо, не успевшее убраться с ее дороги, превратилось бы в кровавую кашу на мостовой.

Главное было — отвлечь их внимание от Гретель. Кажется, ему вполне это удалось — едва прогремел выстрел, как оба противника забыли про беловолосую ведьму, решив в первую очередь уничтожить ее зубастого защитника. Естественный инстинкт. Его собственные акулы инстинкты диктовали ему совсем иное. Ничего удивительного. Если верить Гретель, инстинкты эти были сформированы

в ту доисторическую эпоху, когда священный человеческий геном еще не появился на свет. Увернуться от удара просто лишь в том бою, в котором сам выступаешь зрителем. Хорошо поставленный и грамотный удар точен и быстр настолько, что избежать его дьявольски сложно. А удар мехоса был и поставленным, и грамотным. Стоящая от натуги гидравлика придала его огромным рукам силу, достаточную, чтобы проломить стену дома.

От первого Гензель увернулся лишь чудом, ощутив, как прогудел возле лица многокилограммовый стальной кулак размером с его собственную голову. На миг он ощутил запах смазки, но почти тотчас аромат разлитой по переулку крови затопил его без остатка, смывая все прочие запахи.

Запах крови. Вкус крови. Теплая красная жижа, растворенная вокруг...

Стремительный и грациозный танец хищного стремительного тела в сладком алом облаке.

Акула довольно ослабилась. Она понимала в этом толк. И любила, когда жертва беспомощно трепыхается, совершая множество напрасных движений. Иногда жертва сама не понимает, когда борьба превращается в агонию...

Второй удар прокатился бесконечно высоко над Гензелем. Третий ушел далеко вправо. Четвертый не достал до него полметра. Сочленения мехоса лязгали, когда он пытался двигаться быстрее Гензеля, лязг этот был грозным и яростным, как шум танковых гусениц, давящих бруствер траншеи. Но сам по себе этот лязг не был опасен. Гензель двигался быстро и стремительно, как двигается рожденный в воде хищник, беззвучно скользил, не позволяя себе ни секунды оставаться в одном положении.

Иногда акулы не сразу убивают свою добычу. Даже опьяненные кровью, они ценят азарт настоящей схватки...

Промахнувшись несколько раз, лишенный сердца мехос взревел и принялся колотить обеими руками сразу. Размеренные удары сменились настоящим градом. От стены отлетали куски камня, звенели каскады выбитого стекла, брусчатка волнами прыскала в стороны. Водопроводные трубы, которые задевал мехос, раскалывались подобно стеблям тростника. Ржавые оконные решетки превращались в искореженное переплетение прутьев. Не прошло и десяти секунд, как переулок уже выглядел так, словно его засыпала снарядами тяжелая осадная артиллерия.

Иногда трепыхающаяся жертва делает слишком много лишних движений.

Раздутый толстяк оказался не так уж и глуп, как сперва казался. По крайней мере, ему хватило ума обойти Гензеля сзади и попытаться сграбастать его своими огромными мясистыми руками. Даже в бою лицо его выглядело бессмысленным и пустым — не человек, а биологический механизм, подчиненный единственному приказу. Гензель позволил ему приблизиться — чем дальше от Гретель, тем лучше — и даже схватить себя за плечо.

Хватка была сильнейшей: точно капкан впился. Еще мгновение — и пригвожденного к земле Гензеля настигнет стальной кулак его механического компаньона, расплескав по всему переулку содержимое черепа. Мехос уже занес свою руку-наковальню, готовый обрушить ее. В этот раз он уже не должен был промахнуться.

Расплывшееся чудовище, схватившее Гензеля, довольно заурчало, но насладиться успехом не успело: увидело перед лицом его улыбку, ошетилившуюся десятками акульих зубов.

Гензель извернулся и впился в сдавившую его плечо руку. В рот хлынуло горячее и сладкое, под зубами захрустели, лопаясь подобно старым трухлявым веткам, кости. Упоительное, неповторимое ощущение...

Мозг толстяка был действительно неразвит. Даже боли потребовалась секунда или две, чтобы отыскать верный путь к уцелевшим нервным центрам. Страшилище удивленно уставилось на обрубок своей руки, больше похожий на мясную кость, побывавшую в зубах у своры уличных псов. Осколки костей перемешались с разодраным мясом, на брусчатке стремительно расширялась темная лужа удивительно округлой формы. То, что когда-то было его кистью, шлепнулось беззвучно в пыль. Толстяк зачарованно уставился на руку, на миг показалось, что его пустое лицо озарится какой-то пробившейся на поверхность мыслью, что какой-то импульс, молнией резанувший мозг, сможет поколебать этот застоявшийся пруд. Но лицо расплывшегося мула практически не изменилось, лишь округлились в немом удивлении глаза. Должно быть, впервые в его жизни произошло что-то такое, чего он не понимал.

А спустя еще половину секунды его лицо действительно изменилось — когда кулак мехоса, разогнавшийся так, что вокруг него гудел воздух, разминувшись с Гензелем, врезался толстяку в голову.

Раздался громкий хруст, какой бывает, если наступить каблуком на подгнивший орех. И сходство не ограничивалось одним лишь звуком — голова толстяка лопнула, расколовшись на части, толстые кости черепа разошлись, обнажив серую мякоть мозга, деформированные зубы неправильной формы и зазубренный остов позво-

ночника. Один глаз треснул в глазнице, мгновенно став черно-багровым, другой вовсе пропал.

Этот удар, разmozживший голову толстяка, на месте уничтожил бы любое живое существо. Но силы генетической скверны, спрятанные в его изуродованном теле, были воистину всемогущи. Рваные лохмотья губ, свисавшие из изломанной челюсти, вдруг шевельнулись. Черно-багровый глаз затрепетал в глазнице. Мул издал нечленораздельный звук и зашатался, но не упал. Это было жуткое зрелище. Практически обезглавленный, он дергался, шатаясь из стороны в сторону, и тянул к своей расколотой голове руки — уцелевшую и культю, — словно пытаясь соединить обратно лопнувшие кости.

Невероятная живучесть за пределами человеческой природы. Да-леко за ними.

Но Гензель на него уже не смотрел — толстяк вышел из боя и больше не представлял опасности. А значит, следовало сосредоточиться на последнем противнике.

Мехос исторг из своей стальной груди поток ругательств, слишком сумбурно и нечетко, чтобы Гензель смог их оценить. Гигант, желавший иметь человеческое сердце, на миг опешил, увидев, как его приятель бесцельно бредет по переулку, раскачиваясь как пьяный и пытаясь удержать на плечах расплзающуюся бесформенную кучу, прежде бывшую головой. Там, где толстяк задевал еще державшиеся стены, на камне оставались алые, серые и багровые мазки, кое-где на водосточных трубах оставались висеть куски скальпа.

Будь мехос хладнокровнее, не задержись он с атакой, возможно, ему удалось бы прожить на несколько секунд дольше. Но, видимо, что бы ни говорила Гретель, под прочной броней осталось слишком много человеческого.

Воспользовавшись его замешательством, Гензель одним длинным и резким шагом оказался почти вплотную. Бронированные пластины бывшего лесоруба, издалека выглядевшие весьма пристойно, вблизи производили заметно худшее впечатление. Давно не полированные, местами покрытые рыжими пятнами ржавчины, они свидетельствовали о том, что хозяину давно не по карману было ухаживать за ними должным образом. Даже металл, который в сто раз прочнее человеческой плоти, требует ухода.

Кое-где на бронированном теле красовались металлические заплаты и следы ремонта, в других же местах на броне, давно не знавшей пощады, образовались трещины, зазоры и отверстия.

Даже в сверхпрочной шкуре можно найти уязвимое место.

Последний удар мехоса был неуклюж и почти не опасен. Гензель легко пропустил его над головой и, качнувшись, коротким движением вогнал мушкет в проржавевший бок гиганта. В снопе искр стволы погрузились во внутренности мехоса, точно пика, всаженная под ребра огромному быку. Наружу торчал лишь укороченный приклад.

Гензель одновременно спустил оба взведенных курка.

В последнюю секунду перед выстрелом Гензелю показалось, что за скрежетом, шипением и треском большого тела он слышит размеренные ритмичные удары под металлической обшивкой. Точно там и в самом деле работал крошечный метроном...

Громыкнуло так, точно в огромном жестяном тазу взорвалась пороховая граната. С крыш посыпалась крошка глиняной черепицы, зазвенели каскады стеклянных осколков, ссыпаясь из оконных проемов.

Торс стального гиганта дрогнул и навалился на стену, отчего та опасно затрещала. Из щелей, прорех и отверстий, медленно сплетаясь в смоляные косы, потянулись струйки дыма. Мехос выгнулся, заскрежетал, литая голова-шлем стала быстро подергиваться. Гензель на всякий случай проворно отскочил в сторону. Правы старые охотники, умирающая добыча — самая опасная.

Мехос и в самом деле занес огромную руку, которая теперь двигалась неуверенно, рывками. Но вместо того чтобы ударить Гензеля, он помедлил и с оглушающим звоном вдруг ударил себя в грудь-кирасу. Еще один удар. Еще. Дымящийся мехос ворочался, скрипел, дергал головой и раз за разом наносил себе сокрушительные удары. Точно пытался проделать отверстие в своем прочном панцире, чтоб выпустить наружу мучающую его боль. Из зарешеченного отверстия рта доносилось утробное хриплое подвывание вперемешку с шипением — ни дать ни взять кто-то медленно сторал в раскаленном чреве медного быка...

Гензель наблюдал за ним, сжимая в опущенной руке разряженный мушкет.

Седьмой или восьмой удар оказался последним. Панцирь мехоса заскрежетал и развалился на две неровные части. Из проломов пыхнуло зловонным дымом, вонью горелой изоляции и паленого мяса. Затрещало пламя, кое-где оно прорывалось наружу деловито гудящими оранжевыми языками. Судя по всему, внутри мехоса бушевал пожар.

Когда броневые пластины разошлись, вниз стали хлестать потоки прозрачного, резко пахнущего физраствора пополам с кипящим маслом и быстро сворачивающейся кровью. Потом в быстро образо-

вавшуюся лужу стали шлепаться и шипеть в ней объятые огнем детали и внутренности. Некоторые из них плавилась, на глазах превращаясь в бесформенные комки пластика, другие еще долго полыхали, стреляя во все стороны искрами.

Гензель увидел, как глубоко внутри развороченного и чадающего корпуса ворочается что-то скользкое, состоящее из хрящей и влажно блестящих тканей, похожее на человеческий зародыш. Оно дергалось, как птенец, пытающийся выбраться из горящего гнезда. И у него в конце концов это получилось. Комок плоти шлепнулся в лужу из масла, физраствора и крови, полную оплавленных фрагментов, и беспомощно забился в ней, рядом со своей вскрытой неуязвимой оболочкой, привалившейся к зданию застывшей и уродливой статуей. Метроном больше не стучал.

Гензель повернулся к Гретель, и его горящие от пережитого напряжения мышцы вдруг безотчетно сжались для рывка. Гретель была не одна. К ней медленно полз получеловек-полулев с выпотрошенным животом.

Он хрипел, на зубах пузырилась багровая пена, а след, остающийся за ним на камне, казался пунктиром, нарисованным на карте самого ада. Сила ненависти победила и боль, и инстинкт самосохранения. Мул не отрывал по-животному горящего взгляда от Гретель, клыки его щелкали, когти скрежетали по брусчатке. Он не обращал внимания на расплетающиеся клубки собственных внутренностей, на скользкую от крови поверхность, на самого Гензеля, застывшего с разряженным мушкетом в руках. Он видел только Гретель и чувствовал лишь желание вонзить в нее зубы. Даже на пороге смерти это порождение генетических мутаций не собиралось сдаваться. Какой же силой должна обладать ненависть, чтобы суметь тащить вперед умирающее и непослушное тело?..

Гензель собирался подскочить к человеку-льву и раздробить ему затылок стволом мушкета, но Гретель вдруг встретила глазами его взгляд и едва заметно качнула головой. Очень трудно прочитать выражение глаз, прозрачных, как кристаллы хрустали в горной реке. Иногда кажется, что это вовсе не возможно. Но Гензель вдруг увидел в этих глазах грусть. И остался без движения.

— Вот видите, сударь, сделка была честной, — сказала Гретель, обращаясь к хрипящему животному, тщетно щелкающему челюстями. — Пусть я и ведьма, но я честно выполнила уговор. Ваша кровь кипит от гормонов. Только вот ее остается все меньше и меньше, но это уже не моя вина.

Человек-лев скользнул по ней безумным взглядом. Он даже не попытался ответить. Непонятно было, слышал ли он вообще Гретель. Его огромное тело, поросшее шерстью, агонизировало, мышцы напрягались и опадали. Но он все-таки полз вперед. Умиравший, полный чистой, как слеза альва, ненавистью, он торопился свести счеты с той, кого считал своим врагом. Гензель вздохнул. Под ребра изнутри мягко толкнуло какое-то чувство, похожее на уважение. Даже хищники умеют уважать чужое упорство и бесстрашие.

Гретель убрала со лба несколько коротких белых прядей, как часто делала в минуты задумчивости. Таких минут в ее жизни было много, может, поэтому, как подшучивал Гензель, она нарочно не отпускала длинных волос — чтобы иметь возможность их теребить.

— Вы могли жить, сударь, но вы попросили у ведьмы то, что вас погубило. Кто же из нас виноват?

Она не очень долго ждала ответа. Человек-лев рывкнул и попытался схватить зубами ее ногу. Если бы ему это удалось, ступня Гретель мгновенно превратилась бы в кашу из раздробленных костей, не помог бы и толстый кожаный ботфорт. Но она проворно убрала ногу.

Многие люди считали Гретель отрешенной и слишком задумчивой. Живущей в ином, невидимом мире и слабо реагирующей на внешние раздражители. И многие потом об этом жалели.

— В этом все люди, — задумчиво сказала Гретель, и уже непонятно было, обращается она к хрипящему от ненависти человеку-льву, к Гензелю, к самой себе — или же вовсе ни к кому из перечисленных. — Они отчаянно требуют у ведьмы чуда, не желая слышать предупреждений и оговорок. Они упрямо хотят невозможного и уверены в том, что геномагия вправе им его дать. Увы, иногда они получают то, чего просят. И неминуемо уничтожают себя.

Человек-лев стал задыхаться. Легкие его клокотали, как кузнечные мехи, в которые попала влага, из пасти высунулся длинный алый язык, покрытый кровавой пеной. Но взгляд оставался прежним, черным от ненависти, жгучим, тяжелым. Существа с таким взглядом не отступают. Наверно, Гретель тоже наконец это поняла.

— Не принимайте подарков от ведьмы, если не уверены, чего на самом деле желаете, — сказала она, запуская тонкую бледную руку за пояс короткого, по мужской моде, дублета. — И, может, тогда геномагия будет милостива к вам...

В руке ее появилась крохотная склянка, прозрачная и невесомая. Но Гензель все равно напрягся. Слишком уж часто он видел,

как капля какого-то совсем безобидного на вид зелья творила с людьми и вещами страшные вещи, подчас не подчиняющиеся осознанию.

Но в этот раз ничего откровенно жуткого не произошло, когда Гретель щелчком открыла склянку — и опорожнила ее на умирающего мула. Небо над Лаленбургом осталось его прежнего цвета не свежей мертвой рыбыны, гром не грянул, молнии не сверкнули. Но мул вдруг почти мгновенно затих, словно оглушенный тяжелой дубиной между глаз. Он еще пытался рычать, тщетно напрягал мускулы, ворочался, но тело его стало обмякать, набухшие мышечные волокна под шкурой разглаживались, конечности цепенели. Еще несколько секунд — и кипящие ненавистью глаза затуманились, потеряли блеск, стали большими черными жемчужинами, запотевшими от чьего-то дыхания.

— Не очень-то эффектно, сударыня ведьма, — заметил Гензель, подходя поближе, чтобы рассмотреть мертвую тушу получеловека-полузверя. Даже распластанная посреди мостовой, она все еще выглядела угрожающе. — Я думал, ты сделаешь что-то более жуткое. Например, превратишь его в лягушку.

Гретель не торопясь спрятала склянку.

— Сколько раз тебе повторять, братец, я не занимаюсь ярмарочными фокусами.

Гензель поморщился и несколько раз сплюнул на брусчатку, чтобы избавиться от неприятного привкуса чужой крови на губах. Кровь толстяка отдавала чем-то зловонным и приторным.

— Я помню одного наглого парня в Муспелльхейме, которого ты превратила в лилипута. Его еще сожрали чертовы гуси...

— То был другой случай, — спокойно ответила Гретель, поправляя берет. — Этот заслужил безболезненную смерть. Всего лишь нейропарализующий токсин. Мгновенный паралич нервной ткани.

Гензель поморщился, как делал всегда, слыша непонятные и грозные слова из лексикона геномагов. Сам он на дух не выносил таких словечек, даже если их произносила сестра своим тонким голоском. Они всегда казались ему зловещими и какими-то пророческими. Как запах разложения, сопутствующий чумным покойникам.

— Мне плевать, от чего он дух отдал, хоть от простуды. Давай-ка, сестрица, побыстрее делать из этого местечка ноги. Насколько я помню, Лаленбург печально славится тремя вещами — самыми старыми шлюхами на всем континенте, самым гадостным вином и са-

мой проворной городской стражей. И если с первыми двумя я познакомился в достаточной мере, от третьей предпочел бы уклониться...

Гретель фыркнула — как всегда, когда Гензель пытался продемонстрировать лоск высокой речи. Видимо, она находила его попытки говорить аристократическим языком по-детски наивными и неуклюжими. Что ж, каждый в своем праве... Не пытается же она заставить его полюбить гадостные словечки геномагов!..

— Пора уходить, — согласно кивнула Гретель. — Этот город не любит геноведьм.

— Кто бы мог подумать? Мы в городе неполный час, а тебя пытались убить уже трое. Знаешь, я бы хотел уточнить одну деталь... Насколько богатой у тебя была здесь практика четыре года назад, сестрица?

— Ты же знаешь, Гензель, я не обсуждаю своих контрактов.

— Да, даже с братом. Но это чисто деловой вопрос. Я хочу прикинуть — сколько еще человек попытается перерезать нам горло, прежде чем мы доберемся до постоянного двора. И в чем еще ты здесь упражнялась? Давала ли людям ядовитые зубы и крылья? Может, превращала людей в трехметровых ящеров? Наделяла убийственным взглядом?..

Гретель взглянула на него и вдруг улыбнулась. Ее бледное и худощавое лицо в сочетании с холодными и ясными глазами не сочеталось с улыбкой, как не может сочетаться лед с огнем, но когда она улыбалась, Гензель всегда хмыкал в ответ. Не мог удержаться.

— Эх, братец... От деда тебе достались акульи зубы. Я изучила твою генетическую карту вдоль и поперек, но так и не поняла, от кого из нашей родни ты получил язык попугая!

— Ехидна! — фыркнул Гензель и уже собирался было схватить Гретель за рукав, чтобы утянуть в первый же переулок, когда понял, что дело в общем-то пропащее.

Об этом ему сказала мостовая. Бульжники под ногами, собранные, обтесанные и выложенные кем-то десятки, а то и сотни лет назад, противнейшим образом завибрировали под пятками. Означать это могло лишь одно. По крайней мере, в Лаленбурге.

— Бежим! — крикнул он.

Гретель побежала за ним. В таких вопросах она целиком и полностью полагалась на его чутье. А чутье говорило ему, что на запах свежей крови иногда слетаются не только акулы, но и рыбки поменьше. Но тоже очень голодные и злые. Как их там называют?..

Камень вибрировал все сильнее. Гензель потянул было Гретель в переулочек, но тотчас отскочил назад — по переулку к ним приближалась звенящая серая стена. Другой! И здесь тоже. Третий!..

Оттолкнувшись от стены, Гензель свернул за угол — и едва не врезался в глыбу серой стали. Глыба эта каким-то образом передвигалась и, не будь его рефлексы достаточно быстры, уже сломала бы ему полдюжины ребер. Глыба была человекоподобной формы, имела руки и ноги, а на груди — там, где у человека была бы грудь, — имела облупившееся изображение лаленбургского герба: изящно надкусанное яблоко и три скрещенные стрелы.

Глыб этих вокруг Гензеля и Гретель становилось все больше. Они выскакивали из переулков и замирали, звеня железом. Железо это было плохим, опасным — отточенные до желтизны короткие палаши, свернутые кнуты из шипастой проволоки, чеканы и булавы. Что ж, эти судари, похоже, знают, чем сподручнее всего орудовать в узких переулках... Гензель ощутил колючую, как крапива, досаду — не успел взвести курков, не насыпал пороху... Но разум, пробившийся сквозь дремлющее у поверхности чутье вечно голодной акулы, подсказал ему, что хвататься за мушкет в такой ситуации — последнее дело. Разорвут мгновенно, как свора натасканных охотничьих псов.

Стражники окружили их деловито и очень уверенно. Крепкие ребята. Кирасы не из легированной стали, но начищены и блестят на солнце. Руки не дрожат. На лицах, где те не прикрыты забралами, — спокойствие, холодное, как рукоять кинжала, выпавшего из руки мертвеца.

— Мушкет опустить, сударь. И лучше не рыпайтесь, не прыгайте. Дело тут государственное, как вы видите. Ваша работа?

Гензель на всякий случай оглянулся, хотя и так представлял, что увидит в подворотне.

К стене привалилась статуя стального рыцаря, лопнувшая в груди, искореженная, как будто по ней стреляли шрапнелью, мертвая. В луже перед ней барахтался, уже затихая, кровоточащий человеческий комок. Неподалеку от него все еще шатался почти обезглавленный толстяк, бессмысленно шевеля уцелевшей рукой, с его плеч на мостовую медленно сползали мозговые сгустки и бледные пластины лопнувшего черепа вперемешку с лоскутами кожи. У стены лежал человек-лев, вытянув лапы в той позе, в которой смерть милосердно стерла его сознание. Мертвый, но до сих пор угрожающий, свирепый даже в смерти.

Гензель мысленно поморщился. Милая, должно быть, картина. Были бы стражники не так выдержанны — уже разрядили бы в них с Гретель свои жуткие короткие тромбланы, начиненные наверняка рубленой картечью, одним из самых популярных блюд в Лаленбурге после яблок.

— Славная бойня, — пробормотал капитан стражи, хмурый мужчина с тяжелым давящим взглядом. Однако взгляд этот умел перемещаться со скоростью порхающего лезвия шпаги. Он скользнул по трупам, по Гензелю и Гретель, по браслетам на их руках. — Квартероны, значит? Рекомендую вам назваться и сообщить цель прибытия в славный город Лаленбург. Пока не вышло чего-нибудь дурного.

— Гензель. Квартерон. Сопровождаю сестру.

— Гретель. Квартерон. Геномастер. В Лаленбурге нахожусь по делам частной практики.

Гретель подала капитану свой патент, истертую бумагу с множеством поплывших от старости печатей. Ее капитан изучал долго, неспешно переводя взгляд со строки на строку.

— Геномагичка, значит, — сказал он, возвращая документ. — Ну понятно. Редкие гости пожаловали нынче. Значит, не успели прибыть, а уже королевских подданных калечите? Интересная же у вас частная практика... А теперь, судари квартероны, извольте следовать за мной. И ружьишко отдайте на всякий случай. Бежать не советую. Глупостей делать тоже не советую.

По едва заметному жесту капитана стражники выстроились вокруг Гензеля и Гретель. Чувствовалось, что этот маневр они выполняют не впервые и уже успели набраться должного опыта. Гензель, которого ловко и быстро обезоружили, кисло подумал о том, что делать глупости действительно расхотелось.

— Ну и куда теперь? — спросил он с нарочитым безразличием. — В каталажку?

В лаленбургской каталажке ему еще бывать не приходилось, но он сомневался в том, что здешние застенки сильно разнятся от прочих. Вонь пригоревшей каши на прогорклom жиру и человеческих испражнений, отчаянный смрад сотен немытых тел, ключья давно изгнившей скользкой соломы на каменном полу... Все каталажки мира похожи друг на друга, как клоны от одного генетического семени. От каталажки Лаленбурга Гензель чудес не ожидал.

— Нет, — буркнул капитан стражи, и губы его дрогнули, что могло обозначать улыбку. — В королевский дворец.

Гензель никогда прежде не был во дворцах. Сопровождая Гретьель, ему приходилось посещать особняки аристократии и духовенства, были среди этих особняков и весьма претенциозные образцы архитектуры, но чтобы дворец...

Камень и металл — вот было первое впечатление от дворца. Очень много камня и металла. Огромные мраморные лестницы, бледные нездоровой чахоточной белизной, величественные арки, украшенные переливающимися золотыми лозами, которые никогда не дадут плодов, вытянувшиеся анфилады, альковы и целые галереи... Дворец был огромен, и у Гензеля спирало дух, когда он запрокидывал голову и видел его своды, парящие на невероятной высоте. А может, все дело было в здешнем воздухе. Какой-то особенный, должно быть, дворцовый воздух, вроде и не ароматизирован никакими искусственными ароматами, а дышится как-то необычно...

Их не сразу пустили во внутренние покои. Сперва пришлось пройти обыденную для посетителей дворца очистку — их тщательно вымыли в специальных кабинках струями воды, пара и ионизированного воздуха, а одежду пропустили через обеззараживающую машину, отчего та стала горячей и липкой. Разумная мера предосторожности. Учитывая, сколько дряни находится в лаленбургском воздухе и воде, не дело коронованным особам рисковать своим здоровьем.

Повсюду — на чеканных рамах огромных зеркал, на резных панелях, даже на медных дверных ручках — красовался герб правящей лаленбургской династии: надкусанное яблоко и три скрещенные стрелы. Лаленбургский герб всегда казался Гензелю неказистым и в некотором смысле недостаточно величественным, но здесь его продублированный тысячи раз облик отчего-то внушал должное уважение. Даже завораживал.

Хоть Гензель и отказывался признаваться себе в этом, атмосфера дворца подавляла его. Он чувствовал себя побирешкой, оказавшимся в богатом доме, неуклюжим, нелепым, оборванным и совершенно неуместным — как бородавка на носу епископа. Отчаянно хотелось вынырнуть обратно на улицу и набрать в легкие воздуха, полного зловонных миазмов, промышленной пыли, бактерий, но все-таки способного насыщать организм. Дворцовый воздух с каждым шагом казался ему все более густым, тягучим и приторным. Точно пьешь патоку вместо чистой воды.

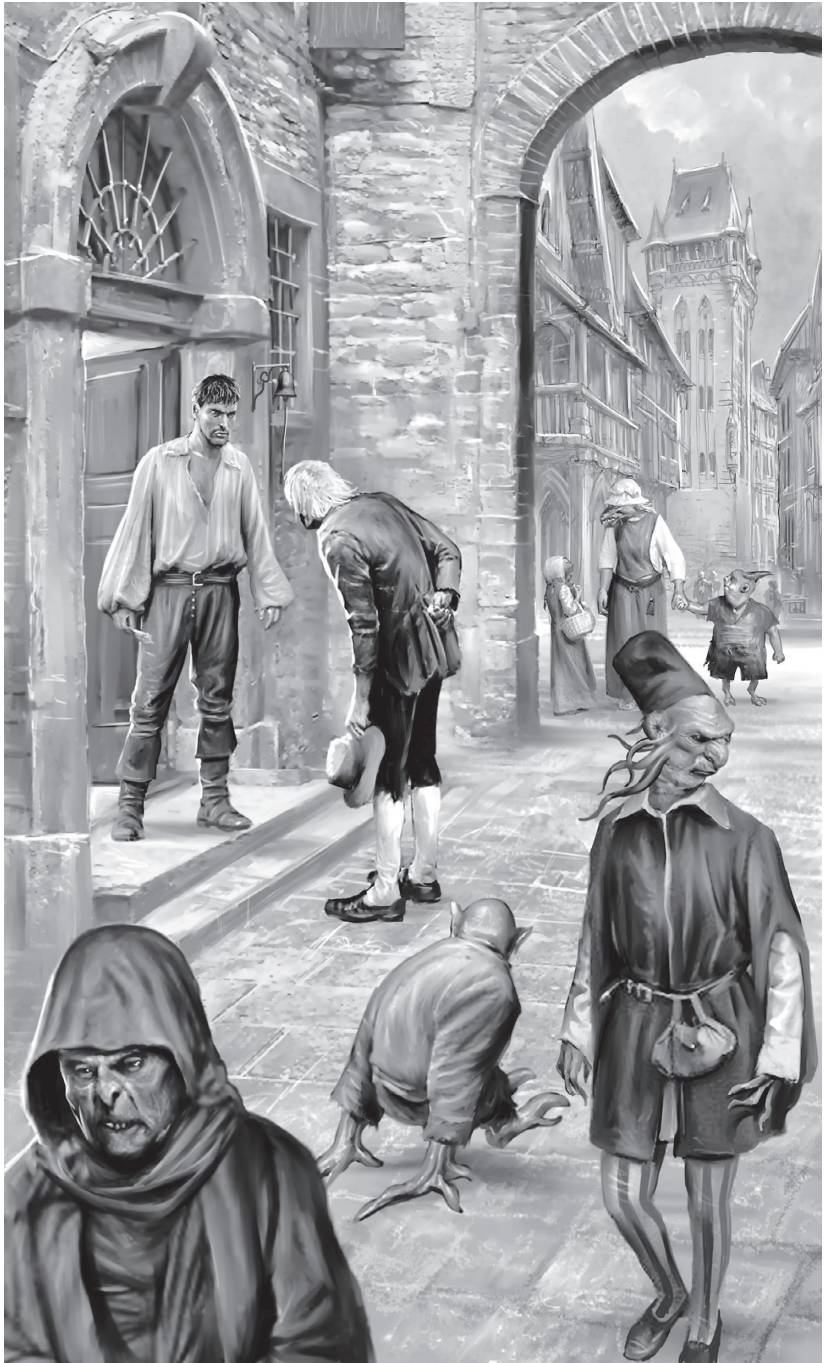
Еще одной причиной для беспокойства была дворцовая стража, которой Гензеля и Гретель передал капитан сразу же при входе во внутренние покои. Новые конвоиры и в самом деле могли вызвать беспокойство одним лишь своим внешним видом. Они были детьми. Но такими детьми, один взгляд на которых заставлял сердце Гензеля нарушать привычный ритм.

У них были младенческие головы, розовощекие, со вздернутыми носами, ясными глазами и губами того невозможно-алого оттенка, которым окрашивают на картинах свежие лепестки лилии. Только венчали эти головы юных херувимов не детские тела, а нечто совсем иное. Могучие атлетические торсы были по-своему идеальны, под гладкой кожей переливались мощные мышцы, пропорционально сложенные и блестящие. Бархатные ливреи королевских лакеев почти не скрывали этого великолепия, напротив, подчеркивали.

Силачи с головами младенцев сопровождали Гензеля и Гретель почти в полном молчании, лишь изредка перебрасываясь отрывистыми птичьими трелями на своем языке. Несмотря на ясность детских глаз, они не выглядели существами, наделенными сознанием, скорее бездушными биологическими особями, выполняющими сложную, но привычную программу. И Гензель не сомневался в том, что стоит им услышать сигнал тревоги, как «херувимы» превратятся в безрассудные карающие мечи. Слыша за спиной шаги этих биологических химер, Гензель ощутимо нервничал. То, что наверняка в глазах Гретель было генетическим чудом, сотворенным специалистом своего дела, ему казалось гротескным и жутковатым произведением безумного искусства.

Были во дворце и прочие обитатели, чей облик указывал на близкое знакомство с геномагией. Уборщики, бесшумно снующие в темных коридорах, были похожи на пауков — крошечные тела и тонкие длинные члены, находящиеся в постоянном движении. Пажи, жизнерадостно резвящиеся у фонтана, издали казались детьми, но лица у них были морщинистыми, оплывшими, и Гензель догадался, что это престарелые карлики, которых геномагия заставила до самой смерти оставаться в детском обличье. Повар, мелькнувший в боковом проходе, казался огромной уродливой птицей — его огромный нос тянул голову вниз. С таким носом, пожалуй, непросто жить, зато можно улавливать тончайшие кухонные ароматы. Дворцовой вентиляцией занимались люди-змеи, чьи вытянутые тела со множеством крошечных отростков-щупалец временами можно было разглядеть за декоративными решетками.

- Америциевый ключ, или
Злоключения Бруттино •

1

Все дверные колокольчики на памяти Гензеля звонили не вовремя. Вне зависимости от того, из чего они были сделаны — из меди, латуни, простого железа или жести, — и вне зависимости от того, где висели, все они обладали удивительной способностью исторгать досаждающий звон в самый неудобный для этого момент.

Гензель глухо заворчал, вытащив голову из кухонного шкафа, в который заглянул лишь полуминутой раньше. И, конечно, дверной колокольчик не упустил своего: противно задребезжал. Пришлось оставить на месте вчерашнюю жареную индейку, выломанная нога которой уже торчала у него в зубах наподобие курительной трубки.

Гретель, по своему обыкновению, находилась в лаборатории, а значит, посетителей не ждала. Об этом сообщала собственноручно водруженная Гензелем табличка за дверью. Может, просто ветер?..

Колокольчик издевательски прозвенел вновь. И вновь. И в третий раз. А потом уже затрезвонил без перерыва, точно снаружи разразилась самая настоящая буря.

Гензель не любил гостей. Эту черту его характера не сломил за долгие годы даже людный Вальтербург. Тем более что гости эти в ста случаях из ста появлялись на пороге с одной-единственной целью — увидеть госпожу геноведьму. Гензелю всегда мерещился исходящий от них призрачный и гадкий запах геномагии. Иные гости, появившиеся на пороге, и на людей-то походили разве что со спины — в Гунналанде, как и в его столице, Вальтербурге, издавна обитало множество мулов.

Оттого Гензель не спешил отпирать входную дверь. Но колокольчик не унимался. Он обладал столь противным дребезжащим голосом, что вывел Гензеля из состояния душевного равновесия за неполную минуту. Быть может, если не отворять двери, посетитель догадается, что явился не вовремя, и уберется прочь? Но посетитель был настойчив. Пожалуй, неприлично настойчив даже по здешним

представлениям о приличиях. Гензель, выругавшись, подошел к двери, так и не выпустив из зубов индюшиной ноги.

— Проваливайтесь! — нечетко рявкнул он, легко распахивая массивную, окованную сталью створку. — Приема нет!

Он ожидал увидеть на пороге какого-нибудь мула — уродливого, как и все мулы, и недалекого. Кого-нибудь с лосиными рогами на макушке, паучьими лапами и пучком извивающихся щупалец на затылке. Кого-нибудь, кто свято уверен, что достаточно позвонить в волшебный дверной колокольчик, как навстречу выйдет геноведьма и взмахом руки выполнит его заветное желание. Именно об этом чаще всего и возвещал противный звон.

Гензель даже приготовился вышвырнуть настойчивого дурака с крыльца и заранее сжал кулаки. Которые сами собой разжались, стоило лишь распахнуть дверь. Потому что никакого мула на крыльце не обнаружилось, а обнаружился вполне человекообразный господин — седой, тощий, ломкий, перепачканный городской пылью и улыбающийся. У него не было ни оленьих рогов, ни пучка щупалец на затылке, или же пришлось бы считать его гением маскировки, способным спрятать подобные детали под дешевым костюмом и неброской шапочкой. Старческие глаза смотрели достаточно ясно, а вот улыбка показалась Гензелю наигранной, слишком нервной и даже немного заискивающей.

— Прошу покорно извинить, — торопливо заговорил он, едва увидев Гензеля. — Имею дело неотложной важности к госпоже геноведьме...

— Не принимает, — кратко отозвался Гензель, собираясь решительно захлопнуть дверь перед носом непрошеного визитера.

Его ждала индюшка и бутылка охлажденного в погребе вина.

— Простите за настойчивость, но это действительно крайне срочно и не терпит отлагательств!

— Госпожа Гретель сейчас не принимает. Зайдите позже. А лучше завтра.

И тут сухой старик сделал то, чего прежде не решался сделать ни один из посетителей этого дома, даже самый наглый. Он вдруг решительно сделал шаг и, прежде чем Гензель успел опомниться, уже стоял в дверном проеме.

— Приношу извинения, — негромко, но твердо произнес он. — Если бы дело терпело, я бы ждал столько, сколько потребуется. Но в данном случае участие госпожи Гретель требуется мне прямо сейчас.

Индюшиная нога во рту Гензеля хрустнула, мгновенно превратившись в крошево из мяса и костяных осколков. От одного только

этого звука обычный человек должен был побелеть от страха. Некоторые и белели — слухи о нелюдимом и грозном нраве привратника госпожи геноведьмы, громилы с полной пастью акулиных зубов, распространялись по городу не первый год. И бесосновательными не были.

Старик вздрогнул, но отойти и не подумал. Удивительно настырный. Или же невероятно глупый. Не говоря ни слова, он сделал еще один шаг и очутился в прихожей, беспокойно озираясь. Наверно, стоило схватить его за тощую, как метла, шею и вышвырнуть наружу. Гензель терпеть не мог бесцеремонных посетителей. Он даже протянул было руку, но пальцев на сухом кадыке так и не сомкнул.

Если человек столь дерзко вламывается в обитель геноведьмы, у него должны быть веские на то основания. Чертовски веские. Общеизвестно, что геноведьмы обожают превращать докучающих им нагльцов в мокриц и гигантских амеб. Даже те гости, которых пригласили внутрь, иной раз по несколько минут топтались на пороге, осеняя себя священным знаменем Двойной Спирали, прежде чем решались зайти. И за последние семь лет на памяти Гензеля ни один не осмелился сунуться внутрь без приглашения.

— А вы наглый старик, — пробормотал Гензель, сплевывая через порог осколки индюшиной ноги. — Только вам это не поможет. Госпожа Гретель в лаборатории. Это значит, что вы не увидите ее, пока она не выйдет. Как ни крути, а придется вам обождать.

Костлявые плечи посетителя дрогнули.

— Не могли бы вы сообщить ей о моем приходе? Я не хотел бы отвлекать ее от важных исследований, но в силу обстоятельств покорно вынужден просить...

— Совершенно исключено, — решительно отрезал Гензель. — Никто и ничто не войдет в лабораторию Гретель.

— Но...

— Очень опасно, знаете ли, отвлекать геноведьм от работы. Помните эпидемию нео-чумы в Вальтербурге три года назад? Это наша кухарка случайно открыла дверь в лабораторию, чтобы спросить, что подавать на ужин. Так что нет. Вам придется подождать. И раз уж вы оказались достаточно наглы, можете использовать для этого гостиную.

Последнего можно было и не говорить — старик уже находился в гостиной. С такой непринужденностью, будто был неотъемлемой ее частью. Причем не самой представительной. Гензель хмуρο наблюдал за тем, как странный посетитель меряет ковер нервными корот-

кими шагами, обильно украшая его пятнами пыли со своего мятого костюма.

— Успокойтесь и сядьте, — раздраженно предложил он старику. — В глазах от вас рябит!

— Мало времени! — воскликнул тот. — Пока ключ у него, мы все в смертельной опасности! Возможно, каждая минута...

Его нервные движения раздражали даже больше, чем дребезжание дверного колокольчика. Гензель мрачно наблюдал за тем, как старик шагает туда-сюда по комнате. Словно жертва геноэксперимента, которой выжгли все нервные центры, кроме тех, что отвечают за безотчетную мышечную активность.

Гензель заскрипел зубами. Даже если он вернется на кухню, этот старик своими восклицаниями и хрустом старых костей совершенно перебьет ему аппетит. Гензель вспомнил о прохладной винной бутылки и вздохнул. Тяжело быть компаньоном геноведьмы.

— Значит, вот что, — сказал он, решительно хватая старика за костлявое плечо. — Изложите мне вкратце суть дела. В геномагии я понимаю не больше, чем в скорняжьем ремесле, но, если дело ваше срочное, возможно, я осмелюсь побеспокоить госпожу геноведьму и она займется вашим вопросом.

Прозрачные глаза старика засветились надеждой.

— Ключ! — воскликнул он, пытаясь обхватить Гензеля за предплечье. — Все дело в ключе!

— Что с ним?

— Пропал. Украден. И не только он. Я еще не проверял опись, однако кое-чего не хватает. Но главное — ключ!

— Какой ключ? — осведомился Гензель, ничего не понимая.

— Америциевый ключ!

От старика несло кислым запахом старости и дешевого пива. Остатки седых волос были всклокочены, губы мелко дрожали. Не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы определить, что настойчивый посетитель пребывает в высшей стадии беспокойства.

Гензель не любил таких посетителей. И без них ему доставало хлопот в последние годы. Несмотря на то что оседлая жизнь в Вальтербурге была не в пример лучше их прежней, кочевой, суетной и зачастую опасной, если ты живешь под одной крышей с геноведьмой, беспокойство ты будешь ощущать чаще, чем всякое другое чувство.

«Удивительно, — подумал Гензель, взъерошивая поредевшие волосы на макушке. — Уж сколько всякой генетической магии я повидал за тридцать пять лет, что живу на свете, мог бы и привыкнуть, а все равно каждый раз, как к Гретель зайвится очередной проситель,

точно екает что-то под печенкой... Видно, не в человеческих это силах — привыкнуть к геномагии».

— Что еще за ключ? От чулана, что ли? — грубовато спросил он вслух. — Давайте по порядку. Прежде всего — как вас зовут?

Старик нетерпеливо дернул седой головой.

— Арло меня зовут. Ну или папаша Арло, так меня все соседи кличут. Спросите кого угодно на южной окраине, все знают папашу Арло.

— Теперь уже и не только на южной... — вздохнул Гензель. — Каким ремеслом занимаетесь?

Старик выпятил тощую костлявую грудь, в которой угадывалось несколько лишних ребер.

— Я — шарманщик. Точнее, был шарманщиком прежде. А теперь на пенсии.

— Ага, — сказал Гензель сам себе.

Дело обретало хоть и зыбкую, но ясность. Шарманщиками в Гунналанде называли уличных генофокусников. Наверно, из-за того что они бродили по улицам с биосинтезатором на груди, рукоять привода которого время от времени крутили. Только вместо музыки их аппарат исторгал из себя причудливые комки примитивной протоплазмы на радость детворе. Полуразумные пузыри всех мыслимых форм и цветов забавно ползали по мостовой, сливались друг с другом, отращивали ложноножки и свистели — нехитрое уличное развлечение.

Гензель не раз наблюдал за шарманщиками в Вальтербурге и находил их ремесло достаточно забавным для непритворливой публики. Но Гретель всякий раз морщилась при упоминании о них, и о причинах ее неприязни не требовалось спрашивать. Гензель полагал, что дело в профессиональной ревности. Людям, посвятившим себя геномагии без остатка, неприятно, должно быть, наблюдать за тем, как их достижения используются в качестве ярмарочных фокусов.

— Ключ!.. — вновь беспокойно забормотал старик. — Во что бы то ни стало надо его вернуть. Уму непостижимо, как я допустил это!

Гензель вскипел. Акула, плавающая в невидимом море, стеганула хвостом.

— Еще одно упоминание о ключе — и я вышвырну вас наружу! Я же просил, изложите дело по порядку. У вас пропал какой-то ключ, я верно понял? Но отчего вы решили, что вам поможет геноведьма? Я же не зову геноведьму всякий раз, когда не могу найти свои сапоги!

— Не просто пропал, — жарко зашептал папаша Арло, задирая голову. — Он украл его! Мой ключ! И сбежал с ним!

— Так ступайте к капитану городской стражи! — посоветовал Гензель, не считая нужным скрывать раздражение. — Искать украденное — его работа, а не геноведьмы.

— Здесь все дело в том, кто украл!..

— И кто?

— Мой сын. Мой приемный сын. Это все проклятое дерево, теперь я убежден...

Гензель чертыхнулся. Надо было сразу вышвырнуть этого сумасброда с крыльца.

— Какое еще дерево? Вы издеваетесь, папаша?

— Ничуть не издеваюсь! Все началось с дерева! Оно всему причиной!

Гензель набрал в грудь побольше воздуха и медленно его выдохнул. Дерево. Сын. Ключ. Опасность. Ничего вразумительного из четырех этих пунктов не складывалось. Пока он раздумывал, не поздно ли взять шарманщика за шиворот и выставить за порог, папаша Арло, точно прочитав его мысли, торопливо зашептал:

— Вот как дело было... Началось все семь лет назад, как раз в тот год, когда вы с госпожой Гретель в Вальтербурге поселиться изволили. Расчищали мы тогда опушку, что к городской стене подступала. Очень уж много оттуда генетической заразы на город шло — то саранча размером с корову, то прочая нечисть, от которой житься никакого... Опушку ту давно генохворью попортило, деревья все гнилые и кривые, как в Железном лесу. Дрянь одна, словом, все стволы в язвах гнойных, а кое-где и зубы из коры торчат... И тут я вижу, значит, идет наш Джуз и тащит полено. Простите, Джюзом мы нашего столярного кибера звали. Железа в нем пуда три, умишко куций, как собачий хвост, но по части дерева опыт у него необычайный. Идет, значит, и тащит полено. Я сразу заметил, что древесина для нашего леса нехарактерная, очень уж гладкая, плотная, никакой гнили. У меня целая генетическая картотека есть гуннalandской флоры, но такое дерево я впервые увидел. Мы, шарманщики, до новых генетических образцов всегда любопытны. Профессиональное... Упросил я Джюза отдать мне странное полено — для анализов. Ну как упросил... Честно сказать, не сразу он мне его отдал. Даже до драки дошло. Но я семь лет назад был покрепче, чем сейчас... Получил все же свое полено, хоть и с парой тумачков в придачу. Только анализы мало что дали: нет у меня техники подходящей. Да и таланта, прямо скажем, не бог весть. То ли дело сестра ваша, госпожа Гретель...

Гензель ощутил растущее беспокойство. Это было вполне в духе Гретель — взяться за изучение странной древесины. А теперь — пожалуйста, какой-то сумасшедший старик норовит взять штурмом их дом, лепеча что-то о пропавшем ключе. Беспокойство было легким, но неприятным, как только что зародившаяся зубная боль, тянущая исподволь.

— Сперва сын у вас ключ украл, теперь вдруг дерево! Зачем вы мне про какой-то старый чурбан рассказываете, папаша Арло? Я вас попросил с самого начала рассказать, а вы...

Старик выпучил на него свои прозрачные глаза.

— Так ведь то полено — и есть мой сын!

Гензель несколько секунд молчал.

— Так, — сказал он задумчиво. — Кажется, я понял. Ну разумеется. Полено — ваш сын. Оно украло ключ. Теперь все очевидно. Слушайте, папаша, а не бывает у вас такого, чтобы голову по утрам ломило, особенно в висках, или там голос какой-то, будто с неба?..

Старый шарманщик даже рассердился.

— Симптомы нейросифилиса я и без вас помню! — вспылил он, не прекращая своих беспокойных движений по гостиной. — Только с головой у меня все в порядке! Папаша Арло еще из ума не выжил! Дело, видите ли, тут вот в чем... Госпожа Гретель приняла у меня полено и провела над ним ряд анализов. Выяснилась удивительная вещь. Это дерево не случайно показалось мне странным. Цепь долгих и сложных генетических мутаций изменила его настолько, что от первичного фенотипа не осталось и следа. Имеются, к примеру, прозенхимные клетки, но структура проводящих тканей совершенно не свойственна любой древесной породе! Да и дереву вообще не свойственна. При этом наличествуют искаженные волокна либриформа, а эндодерма организована образом, скорее характерным для фауны, чем для флоры...

Гензель глухо заворчал. Он терпеть не мог геномагических словечек. От всех них несло какой-то затаенной скверной. Скверной, к которой он так и не смог привыкнуть за тридцать пять лет жизни под одной крышей с геноведьмой.

— По-человечески, папаша! — рявкнул он.

Поток тарабарщины мгновенно иссяк.

— Это было живое дерево.

— Оно что, заговорило с вами?

Старик досадливо дернул плечом:

— Не в том смысле живое. А в том, что его внутреннее строение было уникально. Очень сложное для флоры и абсолютно не схожее с

любим существующим организмом. Это было как... В каком-то роде это был зародыш новой жизни. Точнее, то, что могло им стать.

— По мне, в печку такое полено стоило швырнуть. Сварили бы на нем себе кашу.

— Вы немолоды, — печально усмехнулся шарманщик. — А я — так и вовсе глубокий старик. Всю жизнь вертел ручку синтезатора, по улицам шлялся, золота не нажил, а все богатство — каморка, миска похлебки на ужин да нарисованный камин. Долго ли мне еще осталось?.. Ни детей у меня, ни подмастерьев никогда не было. В молодости не завел, а теперь уже и поздно. Вот мне и подумалось... Если это дерево может дать начало новой жизни, нельзя ли сделать из него подобие человечка? Обычного мальчишку, знаете ли. И эта мысль меня чрезвычайно приободрила. Было бы кому носить уголь, убирать паутину, ходить в лавку. Да и я смог бы передать по наследству свое ремесло...

Гензель едва не сложил рефлекторно ладони в охранительный символ Двойной Спирали. Хотя они упорно стремились сжаться в кулаки.

— Хорейя Гентингтона! Уж не собираетесь ли вы сказать, что...

Старик обреченно кивнул:

— Ваша сестра, госпожа Гретель, была столь добра, что удовлетворила мою просьбу. Из странного полена она вырастила в лаборатории человека. Мальчика. Очень странный мальчишка получился. Вроде и человек, а вроде и дерево. Разные типы тканей срослись водино, понимаете ли. Сразу и не разберешь, где что...

Гензелю вдруг захотелось раздавить эту седую голову с ясными глазами. Воистину говорят — чем страшнее беда, тем более невзрачный у нее глашатай.

Наверно, лицо у него в этот миг было достаточно красноречивым. По крайней мере, папаша Арло мешком осел под его взглядом и даже попятился.

— Безумцы! — рявкнул Гензель, глядя на старикашку сверху вниз. — Жить надоело? Голова не дорога? Вздумали творить мутантов, да еще где, в городе? На костре погреться захотелось?!

История про деревянного мальчика была не выдумкой сумасшедшего шарманщика — это он понял сразу же и безоговорочно. Слишком уж хорошо знал характер своей сестры. Настоящая геноведьма никогда не упустит случая принять вызов, и чем он сложнее, тем лучше. Неумная жажда познания всего, что касалось геномагии, вкупе с полным равнодушием ко всему, что касалось человеческой жизни, — в этом была вся Гретель. Иногда, накладываясь друг

на друга, эти черты ее характера порождали нечто крайне необычное. И столь же опасное. Но вырастить из куска дерева подобие человека! Это было слишком даже для нее.

Пусть даже короли Гунналанда более терпимы к порождению генетической скверны, чем охранные сервы Мачехи из Шлараффенланда или лаленбургские монахи, даже у их терпения имелся предел. Предел, к которому очень близко подошла одна нетерпеливая и самонадеянная геноведьма из Вальтербурга. Разумеется, геноведьмы редко задумываются о таких мелочах. Из-за чего их периодически сжигают на площади или протыкают вилами.

Человек из дерева! Даже мысль об этом была отвратительна и противоестественна. Разумное существо, не имеющее и толики человеческого геноматериала!.. Даже в кишасщем мулами Гунналанде такая мысль сама по себе была кошунством.

Ох, Гретель...

— Это омерзительно, — произнес Гензель, смотря на папашу Арло с искренним презрением. — Омерзительно и противно человеческой природе. Уже не говоря о том, что смертельно опасно. Вы даже не представляете, какие деревья попадают в лесу! Если вас угораздило сотворить подобие мальчика из какой-нибудь ядовитой или хищной древесины...

— Нет-нет-нет, — забормотал старик, выставив ладони в протестующем жесте. — Он с рождения был славным мальчуганом. Он не хищный и не опасный, уж поверьте мне. Не прошло и месяца, как он уже разговаривал. А как исполнился год, всюю помогал мне, лабораторию знал как свои пять пальцев... Я уже представлял, как к своему ремеслу его пристрою. Интеллект в нем, знаете ли, удивительным был изначально. Схватывал все на лету... Правда, он не был похож на других мальчишек. Это я сразу заметил. Вроде и движения у него человеческие, и голос даже, хоть и скрипит, как ветка на ветру, и взгляд, но вот образ мыслей, характер... Все-таки природы не скрощешь. Он ведь лишь внешне человекоподобен, а внутри — внутри все другое. Иная биохимия, иной метаболизм, иное устройство... Ни единой человеческой хромосомы!

— Стоило показывать его в цирке, — сухо заметил Гензель. — Заработали бы больше, чем крутя шарманку.

Старик потупился.

— Он ведь был мне как сын... Правду сказать, рос он своевольным, упрямым, как дуб. Рано начал дерзить, спорить. А что мне было делать? Я человек старый. Не розгами же его сечь? Да и толку? Думал, со временем он подрастет, станет рассудительнее. Но куда там!

Чем дальше, тем хуже. Уже в три года Брутто сделался отъявленным хулиганом, первым на улице.

— Почему Брутто? — спросил Гензель, не придумав, что еще спросить.

Старый шарманщик беспомощно улынулся сухими губами.

— Это от его полного имени, Бруттино. Видите ли, когда Джуз передал мне полено, из которого Брутто суждено было появиться на свет, оно вышло у него из манипуляторов и треснуло меня по лбу. Ну я тогда и ляпнул: «Славное полено, крепкое, и брутальности не занимать, чуть мозги из головы не вышибло!» Так и стал он Бруттино. Обычное человеческое имя деревянному мальчику носить сложно...

— Дурацкое имя, — бросил Гензель. — Впрочем, не думаю, что дело в имени. Вы попытались вырастить в обществе существо, которое даже на половину ногтя не является человеком. А проще говоря, порождение никому не известных геномагических процессов! Это существо непредсказуемо и может таить в себе любую опасность! Сжечь бы его в печи сразу, а вы его усыновили!

— Это верно, — признал удрученно папаша Арло. — Но кто же тогда думал, семь лет назад... А теперь вот беда. Не уследил я за своим Брутто. Не заметил, когда из сорванца он превратился в преступника. Сам виноват, конечно, старый дурак. Сперва, как я уже сказал, он попросту хулиганил. Дерзил мне, воровал монеты от моей скудной выручки, колотил людей на улице. Я думал, это все возрастное. Все мы были несдержанны в юности. Но вместо этого видел, что человеческого в нем делается все меньше и меньше.

— Поблагодарите судьбу, что не убило ваше полено никого, — посоветовал Гензель хмуро. — А что ключ от дома стащило — ерунда. Сами говорите, что золота не нажили. Послушайте доброго совета, папаша: пустили бы вы это полено на зубочистки, пока не поздно. Я в геномагической науке ничего не понимаю, но что нельзя всякую дрянь тащить в дом и воспитывать — это уж поверьте!

Папаша Арло не выглядел утешенным. Напротив, в его взгляде Гензелю почудилась смертельная тоска.

— Лучше бы убил! — воскликнул он. — Лучше бы меня убил, чем ключ!..

— Да у вас у самого, кажется, термиты в голове завелись! — воскликнул Гензель, теряя остатки терпения, и без того подточенного явлением старого шарманщика. — Что за ключ, про который вы мне толкуете?

— Америциевый, — всхлипнул старик. — От камина.

— Какому дураку взбредет в голову запирать камин на ключ? — удивился Гензель. — Что из него красть? Золу?

— Вы не понимаете! В камине этом — вся моя жизнь! И не только моя, если на то пошло... Камин — самое драгоценное, что у меня есть. И теперь ключ от него неведомо где!

Гензель ощутил внезапное, но оттого не менее приятное облегчение. Картина, полная непонятных и странных штрихов, мгновенно прояснилась. История с разумным поленом, кажущаяся бредом душевнобольного, и в самом деле оказалась бредом душевнобольного. Когда старик, волнуясь, толковал про деревянного человека, Гензель был сбит с толку его напором, но теперь, когда он стал толковать про ключ от камина, ситуация сделалась очевидной.

Нет ничего удивительного в том, что почтенный шарманщик выжил из ума на старости лет. Редко кто, занимаясь геномагией, сохраняет полноценный разум — чары исподволь, год за годом, забирают все человеческое. Старик, в сущности, не виноват в своем недуге. А вот он, Гензель, дал маху, пустив его в дом. Надо было сразу за шкуру и... Не поздно ли сейчас? И одобрит ли Гретель подобные меры?

— Вот что, — сказал наконец Гензель нарочито миролюбивым тоном. — Я сейчас схожу к госпоже геноведьме и спрошу совета по вашему делу, а вы извольте ждать тут.

Папаша Арло с готовностью закивал.

— Быстрее, умоляю вас! Дело жизни и смерти! Мало ли чего он натворит с этим ключом!

— Ждите здесь, — устало попросил Гензель.

2

Лаборатория располагалась в подвале, и, чтобы попасть в нее, пришлось миновать грязную, обильно покрытую пылью и паутиной лестницу. Служанка наотрез отказывалась даже приближаться к обителю геномагии, считая, что обратится в клопа, стоит лишь коснуться двери. Ну а сама госпожа геноведьма пыли попросту не замечала. Как и многих других вещей в окружающем мире.

Гензель предупредительно постучал в дверь и, не получив ответа, зашел.

— Сестрица!

Гензель терпеть не мог лаборатории и без существенной причины старался ее не посещать. Он не верил в то, что может превратить-

ся в клопа, он даже знал предназначение некоторых приборов, но все равно, стоило ему оказаться здесь, в царстве булькающих сосудов и чмокающих автоклавов, пыхтящих горелок и шипящих колб, на душе становилось до крайности неуютно.

Словно оказался во рту огромного чудовища и сам не знаешь, когда его угораздит захлопнуть пасть. Кроме того, он знал, что невзрачные на вид жидкости, заточенные в сосуды разной формы и цвета, могут быть смертельными ядами или злокачественными нейроагентами, способными за минуту превратить человека в дергающийся ком бездумной протоплазмы. Тут уж позавидуешь клопу...

Здесь не имелось чучела крокодила, которое, согласно сказкам, должно висеть в жилище каждой геноведьмы, не было курительниц, источающих ядовитый запах, и летучих мышей. Напротив, здесь все было обставлено с хирургической чистотой, но именно от нее делалось как-то неуютно, точно эта стерильность пропитывала сам воздух лаборатории.

Именно в таких местах, подумалось Гензелю, и творятся самые отвратительные генетические чары. Не в подземельях, пропахших серой, а в таких вот лабораториях, где изгнан сам человеческий дух, где все бесстрастно, холодно и стерильно.

Гретель сидела на своем обычном месте, почти скрывшись за лабораторным столом. Как и следовало ожидать, его прихода она попросту не заметила. Судя по всему, с точки зрения геномага, человек не очень-то отличается от пыли под ногами. Гретель была в своем обычном халате, давно утратившем изначальный цвет и кажущемся серым на фоне ее снежно-белых волос, неровно обстриженных и собранных в небрежный пучок. Она смотрела в окуляр неизвестного Гензелю устройства, время от времени делая быстрые пометки на листе бумаги. Около дюжины пустых чашек из-под чая, хаотически размещенные на горизонтальных поверхностях, указывали на то, что госпожа геноведьма находится где-то в середине своей обычной трехдневной вахты.

Гретель была в лаборатории, но, если бы ему вздумалось сказать, что ее здесь нет, это тоже было бы правдой. Здесь находилась лишь ее оболочка, безразличная, отстраненная, холодная. Некоторый объем биологических органов и тканей, в которых протекали процессы метаболизма, не более того. Сама Гретель находилась где-то еще, отключившись от всех каналов информации и вообще от того мира, где находился Гензель. В каких мирах сейчас путешествовало ее пытлиное сознание, он не хотел даже представлять.

Но все-таки он должен был попытаться.

— Сестрица!

Она даже не взглянула на него. Только рука немного дернулась, чертя уродливую, как паучья паутина, химическую формулу.

— Ужасное происшествие в Офире! — Привыкшие к мертвой тишине, беспокойно зазвенели реторты в лаборатории. — Срочно требуется помощь геноведьмы! Генно-модифицированный турнепс на днях проглотил целую семью. Старика, его жену, их внучку, пса, кошку и, кажется, мышь. Говорят, это какая-то хищная мутация, которая поглощает чужую генетическую информацию, присваивая ее...

— Вздор.

Гензель улыбнулся. Кажется, госпожа геноведьма все-таки периодически возвращалась в мир живых.

— Между прочим, насчет турнепса — реальная история. Об этом недавно писали руританские газеты.

— Не читай газет, братец. Те, кто их пишет, ничего не смыслят в геномагии.

Гретель вернулась к наблюдению, тут же мгновенно забыв про присутствие Гензеля. Это получалось у нее легко и совершенно автоматически, как у аппарата, который переключается между двумя режимами работы. Режимы Гретель звались «Настоящая жизнь» и «То, что ей мешает, включая старшего брата». Первый считался основным.

— Честно говоря, я пришел не из-за турнепса. У него оказалась какая-то аллергия на мышиную генетическую культуру, и он разложился прямо на грядке. Тебе известен некий папаша Арло, что живет в южной части Вальтербурга? Старый шарманщик?

— Угу.

Ответ Гретель был равнодушен и пуст, как стерильная среда в какой-нибудь колбе, ожидающая засева бактериологической культуры. И не выражал совершенно ничего, несмотря на свой внешний позитивный окрас. Госпожа геноведьма снова отправилась в иной мир, несравненно более интересный, богатый и захватывающий, чем никчемная обитель людей.

— Он действительно с головой не в ладах?

— Угу.

— Хорошо. Тогда я вышвырну его из дома, он меня уже порядком утомил. Рвется к тебе, как безумный, и все твердит про ключ. Кажется, у него в голове вместо мозга давно плещется похлебка. Несет полный вздор. У него, видишь ли, похитили ключ. Знаешь от чего? От камина!

Он подождал реакции Гретель, но никакой реакции, конечно, не последовало. Можно было и не ждать.

— А знаешь, кто украл ключ? Мальчик-полено! Живой, наполовину деревянный мальчик. Как тебе? О таком даже в газетах не пишут.

— Угу.

— Говорят, уличные шарманщики часто сходят с ума. Какое-то там излучение от их мобильных установок... Такое бывает?

— Да.

— Даже грустно как-то смотреть на него. Выглядит до крайности жалко. Ключ, дерево, камин, приемный сын... Я сразу понял, что это бред воспаленного сознания, но выглядит этот Арло чрезвычайно убедительно, надо сказать. Это ведь чушь, правда? Про человека, сотворенного из полена? Такого ведь не бывает?

— Да, братец.

— Хорошо. — Гензель ощутил, как улечивается беспокойство. — Все-таки придется вытолкать старика на улицу. Главное, чтобы он со своими навязчивыми бреднями к страже не сунулся. Живо упекут в богадельню и разберут на клеточный материал.

— Угу.

Гензель поспешил к двери, стараясь держаться подальше от булькающих автоклавов, похожих на сонных стальных чудовищ. У него ушло много лет, чтобы привыкнуть к их присутствию.

— Жалко дурака, — пробормотал он, смахивая повисшую в дверном проеме паутину. — Занимался бы своим ремеслом, детей смешил... А тут на старости лет ключ ему америциевый подавай...

Он уже вышел на лестницу, когда кто-то в лаборатории отрывисто сказал:

— Стой!

Гензель замер. Едва ли автоклав в силах произнести подобный звук. Впрочем, мысль о том, что произнести его могла Гретель, казалась еще менее вероятной.

— Сестрица?..

Оказывается, Гретель успела бесшумно подняться. Ее прозрачные, ничего не выражающие глаза, сами похожие на окуляры какого-то сложного бездушного прибора, теперь самым внимательным образом были устремлены на него. Наверно, от такого взгляда и превращаются в клопа. По крайней мере, Гензель сразу ощутил себя маленьким и беспомощным.

— Повтори, — потребовала она холодно.

— Жалко, говорю, старика...

— Ключ! Какой ключ?

— Да глупость какая-та. Ключ от камина. С каких пор каминны на ключ запирают? Мало того, еще и америциевый...

— Цитруллинемия святого Брюхера! — выругалась Гретель. Слишком эмоционально для лабораторного прибора. Почти по-человечески. — Старик Арло? Он еще там?

— Ну да, околачивается у нас в гостиной, уже весь ковер перепачкал. А что? Хочешь тоже послушать сказку про мальчика-полено?

— Это не сказка, — сквозь зубы сказала Гретель. — Пошли к нему. Немедленно.

— Только не говори, что этот каминный ключ и в самом деле существует!

— Несомненно. Он украден?

— Если верить старику...

— Я предупредила его, — чужим и зловещим голосом произнесла Гретель, отбрасывая со лба нечесаную прядь белых волос. — Я говорила, что эта культура нуждается в лабораторном изучении! Что недопустимо выращивать ее дома, да еще и на правах приемного сына. Старый упрямец Арло! И ключ!..

— Да что за ключ такой? — спросил Гензель, потеряв терпение. — Вы оба друг друга стойте! Человек-полено, ключ от камина!.. С ума посходили!

— Не сейчас, братец.

И он понял — не сейчас. Судя по тому, как обеспокоилась Гретель, выволочка может и подождать.

По лестнице она поднималась неслышно, лишь шелестел за спиной лабораторный халат. Ну точно привидение, устремившееся за добычей. В этот миг Гензель не позавидовал старому шарманщику. А еще, уловив так и не растворившееся беспокойство в собственном нутре, не позавидовал и самому себе. Какое-то предчувствие подтачивало его оттуда, монотонно, как древоточец подтачивает ствол дерева. Он никогда прежде не видел сестры в таком беспокойстве. А это уже о чем-то говорило. О чем-то крайне скверном, насколько он мог судить.

Папаша Арло встрепенулся, увидев Гретель. Вскочил на длинные сухие ноги, попытался что-то сказать, но челюсть лишь беспомощно задергалась.

— Доигрались? — жестко и зло спросила его Гретель. Посеревшие глаза опасно сверкали ртутью. — Я предлагала сжечь вашего приемного сына в лабораторной печи! Вы не послушали меня. Вы пошли наперекор всем заповедям геномагии! Вы убедили меня оста-

вить под вашим контролем неизвестный организм, не имеющий ничего общего с генетической культурой человека! Я говорила вам, что он непредсказуем! Что вырасти из него может что угодно, в том числе и хищное растение!

Папаша Арло всхлипнул, на глазах его выступили мелкие старческие слезы.

— Помилуйте, госпожа геноведьма! Виноват! Не мог предположить... Мне нужен был сын!

— Настолько нужен, что вы предпочли воспитывать генетическую химеру? — безжалостно спросила Гретель. — Кажется, теперь передумали?

— Не передумал, госпожа геноведьма. Мой Брутто — славный мальчуган. Конечно, он непослушный, немного несдержанный... Но я уверен, что сердце у него не злое.

— У него нет сердца! Он — разумное растение! Причем никто из нас не может поручиться за то, насколько разумное!

Папаша Арло стиснул зубы. Глаза его, хоть и смоченные слезами, глядели решительно.

— Он — все, что есть у бедного старика. Пусть и растение. Пусть без сердца. Но я от него не отрекаюсь. Он мне как сын. Я лишь прошу помочь!

— Конечно. Теперь, после всех моих советов и увещаний, вам нужна помощь.

— Не мне, — тихо сказал старик. — Всем нам.

Гретель взглянула на него так, что старого шарманщика чуть не отбросило в сторону.

— Ключ, — ледяным тоном, от которого даже у Гензеля по спине пробежали колючие мурашки, произнесла она. — Где америциевый ключ?

Старик скорчился, словно ожидая удара.

— У него. У Брутто.

Гензель подумал, что Гретель вышибет из старика дух одним взглядом. Что серый блеск ее глаз, сделавшись источником невидимого излучения, выжжет из папаша Арло душу, оставив на полу, вперемешку с пылью, тлеющий скелет. Но она лишь провела по лбу узкой бледной ладонью и молча опустила в кресло. Мгновенное превращение из человека в геноведьму. Геноведьмам не нужны эмоции. Только информация.

— Когда это случилось? — спросила она уже другим тоном, деловым и нечеловечески спокойным.

— Вчера поутру. Я обнаружил, что Брутто нет в его комнате и он не ночевал дома. Такое с ним иногда случается. В Вальтербурге слишком много местечек, способных соблазнить юношу. Ярмарка мулов, театр или какое-нибудь злачное местечко... Он и раньше иногда пропадал, я к этому привык. Иной раз, конечно, ругал его, но знаете, в глубине души... Я думаю, он не хотел меня сердить, хоть и шалил, но все же щадил мои отцовские чувства.

— До ваших чувств ему дела не больше, чем росянке до чувств бархтающей мухи, — отрубила Гретель. — Что с ключом?

— Я всегда держал его в собственном сейфе, госпожа геноведьма. Но вчера утром обнаружил, что сейф стоит открытым, а ключа нет. Больше его взять было некому. Я забеспокоился, но решил, что это лишь шалость. Брутто, как и все мальчишки, любит умыкнуть что-то, но не от злости, а шутя. Я думаю, ему просто хотелось ощутить себя владельцем ключа, пусть и на короткий срок. Я ждал его сутки. Не мог ночью уснуть. Потом обошел все места, где он обыкновенно пропадал, но не обнаружил его. Тогда я пошел к вам.

— Ваш Брутто знает, от чего этот ключ?

— Почти с рождения, — вздохнул шарманщик. — Ему часто приходилось бывать за камином. Он помогал мне расставлять образцы, убирал пыль, занимался каталогизацией... О да, он знал, что это такое. Я же сам и рассказал ему, причем в красках. Не для того, чтобы запугать его, а чтобы он преисполнился уважения и ответственности. Возможно... Возможно, я перестарался.

— Возможно, вы доверили самое страшное оружие в Вальтербурге и во всем Гунналанде безумному растению, — раздельно произнесла Гретель. Худая, бледная и неподвижная, она сидела в кресле подобно манекену, приняв позу, которая обычному человеческому телу явно показалась бы неудобной и неестественной. — Возможно, всем нам осталось жить считанные часы. Возможно, я уже не в силах вам помочь. Достаточно «возможно» для одного раза?

Папаша Арло сложил на груди руки. Выглядел он жалким и опустошенным. Как пустой автоклав, из которого выкипело содержимое. И Гензелю вдруг показалось, что старый шарманщик ужасно несчастен. Даже не из-за того, что приходится держать ответ перед разъяренной геноведьмой, а ведь одного этого хватило бы, чтобы испачкать штаны. Из-за чего-то другого.

— Пропал не только ключ, — треснутым голосом сказал папаша Арло. — Пропало еще кое-что. Из того, что я накануне подготовил, но так и не успел перенести за камин. Пока не знаю, что именно, надо проверить опись... Но я уверен, что это прихватил Бруттино.

— Превосходно, — едко бросила Гретель, не сводя с дрожащего старика своего ртутного взгляда. — Значит, кроме америциевого ключа в руках у вашего бастарда еще кое-что. Что-то, что он вполне мог продать на черном рынке, например. Или, любопытства ради, испробовать на себе. Никто ведь толком не знает, что делается в голове у деревянных мальчишек, верно?

Старый шарманщик посерел под цвет ее лабораторного халата. Гензелю даже показалось, что он вот-вот лишится чувств прямо в гостиной, шлепнувшись на пол и окончательно испачкав пылью ковер. Но какая-то сила позволила папаше Арло остаться на ногах. Он умоляюще выставил перед собой тощие костлявые руки:

— Ради человеческого генокода, святого и нерушимого, госпожа геноведьма! Я признаю свою вину. Я тысячу раз не прав в том, что не доверился вашим предупреждениям! Я ведь не геномаг, я всего лишь уличный шарманщик, умеющий показывать грошовые фокусы.

Кажется, взгляд Гретель немного смягчился.

— Одно только то, что похитили у вас, может стать кошмаром всего Гунналанда. Но, как ни парадоксально, сейчас оно — наименьшее из наших бед. Главное — америциевый ключ. Если он окажется не в тех руках, этот кошмар мы будем вспоминать как божественное благословение!

— Я...

— Ступайте домой, папаша Арло. Хотя вы пошли против моей воли, я не откажу вам в помощи. Хотя и не уверена, что моя помощь окажется действенной. Слишком много времени упущено. Чего еще вы хотите?

Старик мялся в прихожей, силясь что-то сказать. Под взглядом Гретель он серел и комкался, напоминая вылепленный в человеческую форму мох.

— Мой мальчик... Бруттино. Найдите его, умоляю. Но не причиняйте вреда. Он дорог мне. Есть у него сердце или нет, но мы навеки связаны с ним. Если я узнаю, что с ним что-нибудь случится...

— Идите домой, — звучно сказала Гретель, даже не повернув головы в его сторону. — Составьте опись пропавшего. И караульте свой проклятый камин. У вашего деревянного бастарда есть ключ. Но кроме ключа нужно и то, что он отпирает. Закройте все двери и шлюзы, не выходите из дома, не открывайте на стук. А теперь уходите. Сейчас же.

Папаша Арло без слов выскочил за дверь. После него остались лишь россыпи пыли на ковре прихожей. Россыпи, которые Гензель

некоторое время задумчиво созерцал. Гретель тоже молчала. В этом не было ничего странного — ей редко требовались слова.

Гензель вспомнил про холодную индюшку, но не сделал и шага в сторону кухни. Аппетит отчего-то пропал начисто. Словно все неприятные мысли и предчувствия оказались в желудке и теперь неспешно там переваривались.

— Я собираю наш багаж, сестрица? — спросил он громко, чтобы привлечь ее блуждающее в неведомых мирах внимание. — Если поспешим, успеем добраться через три дня в Офир — при попутном ветре. Или даже в Сильдавию.

— Что? — Ее глаза заморгали.

— Время паковать вещи. Я не знаю, что ты натворила в этот раз, но отчего-то испытываю нестерпимое желание полюбоваться шпилями Вальтербурга с предельного расстояния.

— Интересное желание, — без всякого выражения обронила она.

— Нам столько раз приходилось бежать из города в город, из одного королевства в другое, что это стало рефлексом, — пояснил Гензель. — И в этот раз, мне чудится, уже время натягивать походные сапоги. Ну или ты можешь убедить меня в том, что я не прав.

— Ты прав, братец. Этот город в любой момент может стать крайне неудачным местом.

— Тогда чего мы ждем? Бросим дом, к которому привыкли, скарб, который заработали годами работы, привычки, которыми успели обрести, — и бежим сломя голову к городским воротам!

Злости в его голосе было достаточно, чтобы растопить вечно окружавший Гретель лед. И на миг из-под равнодушной личины геноведьмы выглянуло совсем другое лицо — растерянной девочки, быстро моргающей большими прозрачными глазами.

— Не успеем, — сказала эта девочка, беспомощно качая головой. — Пройдет не меньше трех дней, прежде чем мы покинем королевство Гунналанд. А если ветер будет в нашу сторону...

— Хорошо. Мы остаемся. Тогда будь любезна объяснить мне, свидетелем чего я стал.

Она взглянула ему прямо в глаза. И хоть взгляд Гретель был ему знаком, тело рефлекторно дернулось. Не каждому по силам выдерживать взгляд геноведьмы.

— Свидетелем глупости, братец. А еще — недалечности, самонадеянности, тщеславия и беспринципности.

— Ого. Богатый багаж для старого шарманщика.

— При чем тут папаша Арло? Я говорю про себя. А он виновен лишь в том, что слишком человек. Это простительный грех.

Она стиснула зубы так, что Гензелю послышался скрип. Под тонкой бледной кожей возникли острые желваки.

— Вы действительно сделали это? Геноведьма и выживший из ума шарманщик? Создали получеловека-полурастение? И позволили ему жить не в лабораторной клетке, а среди людей?

— Да, — просто сказала Гретель.

Испытывают ли геноведьмы раскаяние? Гензель не знал этого. Но надеялся, что испытывают.

— Ферменты рестриктазы! — Гензель, сам того не заметив, сломал подлокотник старого кресла. — Это безответственно даже для тебя, сестрица!

— Сегодня я не совершила бы такой ошибки. Но семь лет назад...

— Зачем ты сотворила подобное существо?

Гретель пожала плечами, а губы ее на миг сложились в грустную полуусмешку.

— Потому что могла. Мне показалось это увлекательным опытом. Взять причудливое, не имеющее генетических аналогов растение и попытаться вылепить из него человека. Так, должно быть, юные боги играют с глиняными фигурками. Это сложно объяснить. Это... как вызов собственным силам. Попытка сотворить нечто столь причудливое, что оно стало бы вызовом всей человеческой природе. Он ведь даже не мул, братец. У мулов, по крайней мере, есть человеческий генетический материал, хоть и горсточка... А он — человекоподобное растение. Мыслящее дерево, заточенное в человеческую форму. Совершенно уникальный организм, единственный на свете. Продукт двух несочетаемых биологических культур.

— В королевской кунсткамере, несомненно, нашлось бы место для такого экспоната!

— Я предупреждала старика о том, что рефлексы и инстинкты подобного организма непредсказуемы, что образ его мыслей может быть нам непонятен. Но он не слушал. Он так хотел сына. А я не слушала голоса разума.

Ну конечно. Геноведьмы часто не слышат — ни людей, ни голоса разума. Гензель прошелся по испачканному ковру, без всякого смысла глядя себе под ноги. На ковре не было ничего, кроме пыльных пятен — напоминаний о папаше Арло.

— Что за ключ вы поминали все время, сестрица?

— Особый ключ папаши Арло. Корпус из экранирующего металла, а внутри америциевый сплав, период полураспада — восемь тысяч лет. Его изотопы, распадаясь, испускают особую последовательность альфа-частиц, служащую кодом для замка.

— Для какого замка? От камина?

— Да. Его камин — никакой не камин. Камин лишь нарисован на холсте. За ним располагается вход в подземное хранилище, своеобразный саркофаг. Очень хорошо защищенное и спрятанное хранилище. По счастью, достаточно хорошо забытое. Скажем так, даже слухи о его существовании знали всего несколько человек в этом городе.

— И что спрятано у старого дурака в камине? — спросил Гензель мрачно. — Коллекция вересковых трубок? Запасные подштанники?

Ему очень не хотелось задавать этот вопрос. Он помнил испуг старика и кипящую ртуть в глазах сестры. Когда геномаги выказывают такие эмоции, обычному человеку остается лишь одно — во весь опор мчаться к городским воротам и дальше, до тех пор, пока шпиль Вальтербурга не скроются на горизонте. Но, кажется, для этого уже поздно.

— Ты уверен, что хочешь знать, братец? — вяло спросила Гретель.

— Нет, — честно сказал он. — Но, кажется, придется. Так что нынче хранят за каминами шарманчики, сестрица? Кажется, речь идет не о пригоршне угольков, так ведь?

— За камином в каморке папаши Арло — самая большая по эту сторону океана коллекция модифицированных вирусных инфекций и возбудителей генетических заболеваний.

Гензелю показалось, что он ослышался. Ему хотелось ослышаться. Но геноведьмы редко ошибаются. И никогда не оговариваются.

— Что-что?..

— Военные разработки и гражданские, — спокойно добавила Гретель. — Самые разные. Бубонная чума, геногерпес, черный энцефалит, неопроказа, собачья лихорадка, нейрооспа, лихорадка денге и еще тысячи разных штаммов. Некоторым сотни лет, они выведены в довоенные времена. Но есть и свежие разработки. Чьи-то неудачные опыты и злые шутки, малоизученные культуры и паразитические виды. Словом, все, что оказалось слишком опасным, чтобы существовать вне стерильной пробирки. И все, что нашел папаша Арло.

— Храни нас хиазма! — пробормотал Гензель. — Целый зоопарк безумных хищников, заточенных в пробирки!

Впервые в жизни Гензель ощутил, что бледнеет. Что кровь отливает от лица, а щеки делаются холодны, как лабораторный рефрижератор.

— Скорее, я сравнила бы эту коллекцию с арсеналом. Хищники могут и не тронуть человека, а все эти инфекции — агрессивные инструменты, причем не слепые, а нацеленные исключительно на чело-

веческий генный материал. Если кому-то вздумается выпустить на свободу хотя бы малую их часть... Разбить хотя бы одну пробирку, пролив ее содержимое...

— Можешь не продолжать, — буркнул Гензель. Он никогда не считал, что обладает богатым воображением, но в этот момент представил картину, от которой его бросило в ледяной малярийный пот.

— Генетическая инфекция распространится почти мгновенно. Через воздух, воду, кровь и черт знает что еще. Мгновенно окутает город, намертво вцепившись во всякого, в ком есть хотя бы щепотка человеческого генокода. И городские стены ее не остановят. Даже одна разбитая пробирка может втрое уменьшить население королевства. А в саркофаге за фальшивым камином их тысячи. Тысячи склянок, Гензель. Представь, что будет, если они по какой-то причине разобьются все вместе.

Гензель представил.

— Город погибнет?

— Возможно, не только город, но и весь Гуннланд, — отстраненно сказала Гретель. — И страшной, тяжелой смертью. Все, что было до этого, может показаться детскими шалостями, все эти генные бомбы, веками неконтролируемая модификация генокода, поколения генетических болезней и противоестественных опытов... В Вальтербурге распахнутся врата в ад, братец. Настоящий ад с чадящими котлами, полными генетической отравы. Вырвавшиеся на свободу генетические болезни мгновенно распространятся по округе и начнут пир. Одновременно. С равным удовольствием они будут пожирать и генофонд, и фенотип. Жизни еще не родившихся детей и наши собственные.

— Стая опьяненных кровью шакалов, — пробормотал Гензель. Кажется, ноги его мгновенно ослабли, сделавшись немощными, как у старого шарманщика. — И все на свободе.

— Пусть будут шакалы. Они растерзают все, до чего смогут добраться. Наш генофонд, и так искалеченный бесчисленными эпидемиями и войнами, превратится в кровавую кашу. Уцелевшие генетические цепочки разлетятся в труху. Все сложные последовательности будут вывернуты наизнанку. И Гуннланд исчезнет. Превратится в лужу кипящей протоплазмы, в которой плавают головастики, чьи родители еще отчасти были людьми. Сотни объединенных генетических болезней, Гензель. Одновременно.

— Можно утешаться, что мы едва ли это увидим, — пробормотал он.

— Не увидим. Они накинута на нас, как бактерии — на питательный бульон. Чтобы пожирать и перестраивать последовательность наших хромосом и клеток — каждая на свой вкус.

— Это как... Как если бы десять пьяных кузнецов пытались выковырять один гвоздь?

Слабая улыбка Гретель показала, что она оценила сравнение.

— Как если бы эволюция сошла с ума и сожрала собственное потомство в попытке вылепить из него что-то новое. Миллионы процессов одновременно. Миллионы безумных, непредсказуемых, хаотичных мутаций в каждой клетке.

— Значит, процесс непредсказуем? — осторожно осведомился Гензель.

— Слишком хорошо предсказуем его финал. Когда геномаг смешивает без всякого разбора множество различных веществ в одной пробирке, рано или поздно у него получится совершенно бесполезный раствор, который годен лишь на то, чтобы выплеснуть его в утилизатор. Через несколько минут после начала эпидемии мы все превратимся в такой раствор. В разлитую биомассу, полную искалеченных, мутировавших и уничтоженных клеток. Если нам повезет, останемся существовать, но в виде головастиков, барахтающихся в этой жиже.

Еще минуту назад Гензелю хотелось выскочить на улицу, догнать шарманщика и оторвать его пустую седую голову от тощего костлявого тела. Но сказанное сестрой мгновенно опустошило его, оставив пульсировать в жилах вместо горячей крови бесцветный и холодный физраствор.

— Не слишком ли богатый арсенал для старого бедного шарманщика? — только и смог выдать он. — Ведь он, считай, сидел на грудах золота!

Гретель безучастно пожала плечами.

— Не все собрано его руками, были и предшественники, предыдущие хранители саркофага. Они постарались на славу. Но и он преумножил коллекцию. Кое-что отбирал у больных смертельно опасными болезнями, что-то вырезал из начинки неразорвавшихся генобомб. А еще — результаты неудачных селекций и прочий лабораторный мусор...

— Он не думал, что безопаснее собирать марки? — зло бросил Гензель.

— Он думал, что делает это во благо, — произнесла Гретель, не переменив неудобной позы, точно выросла в кресло. — Изолирует от общества то, что способно его уничтожить. Но, думаю, со временем

это превратилось в его тайную страсть. Что-то вроде страсти коллекционера. Он с упоением рассказывал о новых образцах, сам возился со склянками, составлял описи... В жизни старого шарманщика, если разобраться, не так уж много развлечений.

— Почему он не додумался уничтожить всю свою дьявольскую коллекцию?

— Не мог, — просто ответила Гретель. — Слишком сложные культуры, с которыми никто не хотел рисковать. Комбинированные генетические вирусы и прочие вещи. Никогда нет гарантии, что уничтожишь весь штамм, что какой-то его крошечный фрагмент не уцелеет и не выберется на свободу, незаметно прицепившись к чьей-то хромосоме. Даже я не взялась бы гарантированно уничтожить все его запасы. Папаша Арло стал заложником собственной коллекции. Ни уничтожить, ни продать, ни использовать... Я думаю, он прочил своего Бруттино в продолжатели рода.

— Мог бы пожертвовать все это королю Гунналанда...

Под насмешливым взглядом Гретель Гензель осекся.

— И что бы тот с ней сделал?

— Какая...

— Он не хотел передавать генетическое оружие любому, кто может его использовать во вред своему биологическому виду. Герцоги, бароны и графы поколениями изводили друг друга искусственными генетическими проклятиями и ядами. Где гарантия, что его величество, заполучив подобную возможность, не вздумает поиграть теми же игрушками?..

Гензелю пришлось признать, что Гретель права. Геноведьмы всегда правы — это одна из тех черт, что мешают им общаться с нормальными людьми.

— Подведем итог, сестрица. За камином у старого шарманщика находится ад. А ключ от ада — у сбежавшего человека-растения.

Гретель выразила согласие простым кивком.

— Не только ключ. Он прихватил с собой несколько пробирок из коллекции. Так что по Вальтербургу в прямом смысле слова разгуливает живая бомба, наштипованная генетической шрапнелью.

Некоторое время они оба молча разглядывали испягнанный ковер.

— Я не хочу быть головастиком, сестрица.

— И я, братец. Наверно, ужасно неудобно включать микроскоп, когда ты головастик.

— Значит, нам надо поймать это полено, пока оно не уничтожило город. Знать бы еще, что у него на уме!

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЗЕЛЬ И ГРЕТЕЛЬ, ИЛИ ХОЗЯЙКА ЖЕЛЕЗНОГО ЛЕСА	7
ПРИНЦЕССА И СЕМЬ ЦВЕРГОВ	189
АМЕРИЦИЕВЫЙ КЛЮЧ, ИЛИ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ БРУТТИНО	445